

Джейн Остен Нортэнгерское аббатство

*текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2452265
Джейн Остен. Полное собрание романов в двух томах. Т. 2: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52149-4*

Аннотация

«Нортэнгерское аббатство» – элегантная пародия на весьма модную в то время «литературу ужасов», вышедшая из-под пера совсем юной Джейн Остен.

Озорная и в то же время вполне себе готическая история, в которой есть и старинный особняк, и наивная чувствительная особа, и демонический красавец, и опасности – правда, отнюдь не мистического свойства.

Для ценителей тонкой иронии и изящного слога – одно из немногих творений "первой леди" английской литературы, до которого пока не добрался Голливуд.

Содержание

Предуведомление автора к «Нортэнгерскому аббатству»	4
Глава I	5
Глава II	8
Глава III	12
Глава IV	16
Глава V	18
Глава VI	21
Глава VII	24
Глава VIII	29
Глава IX	33
Глава X	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Джейн Остен Нортэнгерское аббатство

Предуведомление автора к «Нортэнгерскому аббатству»

Сия книжица была окончена в 1803 году и предуготовлена к немедленной публикации. Она была отослана книгопродавцу, более того – о ней широко извещалось, и автор так и не нашла возможности узнать, отчего дело не продвинулось далее сего. Поразительно, отчего книгопродавец счел толковым приобрести то, что ему представлялось бестолковым издавать. Но по сему ни автору, ни читателям не о чем беспокоиться – разве что потребны некоторые замечания касательно тех фрагментов книги, кои за тринадцать лет сравнительно устарели. Автор умоляет читателей не забывать, что с завершенья сей работы миновало тринадцать лет, с начала – и того более, а за это время нравы, места, книги и мненья значительно переменились.

Глава I

Кто бы ни узрел Кэтрин Морлэнд во младенчестве, никогда бы не заподозрил, что она рождена героинею. Против сего равно восставали ее положенье, нравы отца ее и матушки, а также ее собственные обличье и натура. Отец ее принадлежал к духовному сану, однако не страдал ни от пренебреженья, ни от бедности, был весьма уважаем, хоть и прозывался Ричардом, – и никогда не отличался красотой. Кроме того, был он в немалой степени обеспечен, даже не считая двух небезвыгодных приходов, и никоим образом не склонялся держать дочерей под замком. Матушка Кэтрин была женщиной дельного и ясного ума, доброго нрава и, что еще замечательнее, приятного склада. До рождения Кэтрин г-жа Морлэнд произвела на свет троих сыновей; и, вместо того чтобы, как всякий бы чаял, скончаться родами дочери, жила далее – жила и родила еще шестерых, наблюдала, как они растут, и благословлена была превосходным здоровьем. Семью с десятирными детьми непременно назовут прекрасной, если на всех хватает голов, рук и ног; но в остальном нельзя сказать, что семейство Морлэнд располагало особыми правами на подобный эпитет, ибо в целом было весьма невзрачным, и многие годы жизни Кэтрин была не красивее прочих. Худенькая и неловкая фигура, кожа землистая и бесцветная, темные гладкие волосы и резкие черты – на сем мы с ее обликом и покончим; натура же ее для героизма представлялась не более благоприятной. Кэтрин любила мальчишеские игры и решительно предпочитала крикет не одним лишь куклам, но и более героическим развлечениям детства – возвращиванью древесной сони, кормленью канарейки или же поливке розового куста. Вообще-то Кэтрин вовсе не питала вкуса к садоводству, а если и собирала цветы, то разве что озорства ради – во всяком случае, подобные догадки проистекали из того обстоятельства, что предпочитала она цветы, кои ей воспрещалось рвать. Таковы были ее склонности – а способности не менее исключительны. Никогда не удавалось ей нечто узнать или же уразуметь прежде, чем ее научат; и даже тогда сие порой не удавалось, ибо нередко бывала Кэтрин невнимательна, а порою глупа. Матушка три месяца учила ее декламировать «Мольбу нищего»¹; в результате сестра ее Сэлли, следующая по возрасту, читала стихотворение лучше Кэтрин. Кэтрин не была глупа всегда – отнюдь нет; басню «Зайчиха и ее друзья»² она выучила не копотливее любой барышни в Англии. Матушка желала, чтобы Кэтрин обучалась музицированью; и Кэтрин верила, что полюбит сие занятие, ибо с наслажденьем блямкала по клавишам старого позаброшенного клавесина; итак, в восемь лет она приступила. Проучилась год и долее вынести сего не смогла; г-жа Морлэнд, не понуждавшая дочерей к образованию вопреки их неспособности либо отвращенью, оставила дочь в покое. День, когда уволили учителя музыки, стал одним из счастливейших в жизни Кэтрин. Вкус ее к рисованью не отличался развитостью, хотя, раздобывая у матери пустой оборот письма или же отыскивая любой другой листок, Кэтрин со всем возможным стараньем рисовала домики и деревья, кур и цыплят, весьма друг на друга похожих. Письму и счету ее обучал отец; французскому – матушка; Кэтрин выказывала скромные таланты в том и другом и увивалась от уроков, когда только возможно. Сколь странная, непостижимая натура! – ибо в десять лет при всех вышеописанных симптомах распушенности юная дева не обладала ни злым сердцем, ни злым нравом, редко являла упрямство, едва ли – вздорность, была очень добра с малышами, лишь изредка

¹ «Мольба нищего» («The Beggar's Petition», или «The Beggar», 1766) – сентиментальное стихотворение английского священника Томаса Мосса (1740–1808), монолог нищего, который повествует о своих горестях.

² «Зайчиха и ее друзья» («The Hare and Many Friends», 1727) – басня английского поэта и драматурга Джона Гея (1685–1732) о зайчихе, не нашедшей помощи у многочисленных друзей по причине их чрезмерной многочисленности.

переменяя доброту тиранией; кроме того, была она шумной и буйной, ненавидела домоседство и чистоту, а больше всего на свете любила кувыркаться по травяному склону за домом.

Такова была Кэтрин Морлэнд в десять. В пятнадцать ее обличье выправилось; она стала завивать волосы и мечтать о балах; кожа ее побелела, черты смягчились пухлостью и румянцем, глаза обрели живость, а фигура – стройность. Ее любовь к грязи уступила место склонности к нарядам, и Кэтрин стала опрятна и изящна; ныне она порою имела удовольствие слышать, как отец и матушка отмечают совершенствование ее облика.

– Кэтрин растет весьма миловидной девицей – сегодня она почти красавица, – такие слова временами ловимы были ее слухом – и ах как приятны были сии звуки! Для барышни, что первые пятнадцать лет жизни пробыла дурнушкой, явиться *почти* красавицей – обретенные блаженней, нежели все, чего способна достичь прирожденная красotka.

Г-жа Морлэнд была женщиною очень доброй и хотела, чтобы дети ее стали всем, чем надлежит стать детям; однако дни ее были столь заняты родами и воспитаньем малышей, что старшим дочерям неизбежно приходилось крутиться самим; и что уж тут особо удивляться, если Кэтрин, по природе своей героизмом не располагавшая, в четырнадцать лет предпочитала крикет, мяч, верховую езду и беготню по округе книгам – по крайней мере, книгам содержательным, ибо вообще-то, если из оных книг невозможно было почерпнуть и намека на полезные знания, если в них содержались сплошь истории и никаких рассуждений, против книг Кэтрин ничего не имела. Однако с пятнадцати до семнадцати она училась на героиню; она читала те книги, кои героиням надлежит читать, дабы набить память цитатами, каковые пригодны и утешительны среди превратностей и многообразья любой героической жизни.

У Поупа научилась она осуждать тех, кто

скорбь надел, как маску в маскарад³.

У Грея – как

часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой⁴.

У Томсона – сколь

сие отрадно
юнцам внушить, как надобно стрелять⁵.

У Шекспира же она почерпнула бездну сведений – помимо прочего, что

Безделки, легче ветра,
Ревнивцев убеждают так же прочно,
Как слово Божье⁶.

---

³ Цитата из стихотворения английского поэта Александра Поупа (1688–1744) «Элегия в память несчастной дамы» («Elegy to the Memory of an Unfortunate Lady», 1717).

⁴ Неточная цитата из стихотворения английского поэта Томаса Грея (1716–1771) «Элегия, написанная на сельском кладбище» («Elegy Written in a Country Churchyard», 1750). Вольный перевод В. Жуковского, опубликованный под названием «Сельское кладбище» (1802).

⁵ Сокращенная цитата из поэмы английского поэта Джеймса Томсона (1700–1748) «Весна» («Spring», 1728), вошедшей в его поэтический цикл «Времена года» («The Seasons», 1730).

⁶ Уильям Шекспир. Отелло. III, 3. Пер. М. Лозинского.

Что

И великану не больней принять
Телесную кончину, чем жучку,
Раздавленному нашею ногою⁷.

И что влюбленная юная дева всегда выглядит так, чтобы,

Как статуя Терпения застыв,
Она своим страданьям улыбалась⁸.

До сих пор развитие Кэтрин протекало успешно – и во многих других областях она великолепно преуспевала; ибо, не умея писать сонеты, все же понудила себя их читать; и, не будучи в силах безмерно восхитить собрание исполнением на фортепьяно прелюдии собственного сочиненья, умела слушать музицированье прочих с невеликой долей утомления. Карандаш был крупнейшим ее упущеньем: она не обладала навыками рисования, коих доставало хотя бы набросать профиль возлюбленного, в каковом профиле различалась бы ее рука. В сем Кэтрин была прискорбно далека от высот подлинного героизма. Ныне дева не сознавала своего убожества за отсутствием пригодного к изображенью возлюбленного. Она достигла семнадцати лет, не встретив ни единого приятного юнца, что пробудил бы ее чувствительность, не вдохновив ни единой подлинной страсти, не разжегши даже восхищенья – разве что весьма умеренное и крайне мимолетное. Поистине странно! Впрочем, обыкновенно странности возможно изъяснить, если усердно искать причину. В округе не обнаруживалось ни единого лорда; вот именно – не наблюдалось даже баронета. Среди знакомцев не отмечалось ни одного семейства, что взрастило бы и воспитало мальчика, ненароком найденного под дверью, – ни одного юноши, чье происхождение не было бы известно. Отец Кэтрин никого не опекал, а сквайр прихода не имел детей.

Впрочем, если юной деве суждено стать героинею, ей не помеха упрямство сорока окрестных семей. Некий случай должен столкнуть ее с героем – и непременно столкнет.

Г-н Аллен, владелец львиной доли собственности в Фуллертоне – деревне, что в Уилтшире, где обитали Морлэнды, – по причине подагрических наклонностей организма призываем был в Бат; супруга же его, добродушная женщина, привязанная к юной г-же Морлэнд и, вероятно, осведомленная о том, что приключений, если таковые не имеют места в родной деревне юной девы, следует искать в местах иных, пригласила Кэтрин с собою. Г-н и г-жа Морлэнд явили совершенную уступчивость, а Кэтрин – совершенный восторг.

---

⁷ Уильям Шекспир. Мера за меру. III, 1. Пер. О. Сороки.

⁸ Уильям Шекспир. Двенадцатая ночь, или Что угодно. II, 4. Пер. Э. Линецкой.

Глава II

В дополнение ко всему, что уже поведано о достоинствах наружности и духа Кэтрин Морлэнд, коей предстоит погрузиться в лишения и опасности полуторамесячного проживания в Бате, следует помянуть ради пущей ясности – на случай, если дальнейшие страницы не явят читателю представления о характере Кэтрин, – что сердцем она обладала нежным, а нравом жизнерадостным и открытым, без малейшего самомнения или жеманства; ее манеры едва переросли девичью неловкость и застенчивость; облик отличался приятностью, а при удачном стечении обстоятельств – и красотой; ум же был невежествен и несведущ, каким обыкновенно бывает женский ум в семнадцать лет.

Естественно предположить, что с приближеньем часа расставанья материнская тревога г-жи Морлэнд обострилась до крайности. Тысячи тревожных предчувствий беды, что грозит возлюбленной ее Кэтрин в рассуждении сей непомерной разлуки, вероятно, печалью сжимали сердце матушки и топили ее в слезах день-другой пред отъездом дочери; и, разумеется, напоследок, в протяжении их совещанья в гардеробной г-жи Морлэнд, мудрые уста последней извергали советы крайне важного и уместного свойства. В подобную минуту переполненному сердцу ее надлежало излить предостереженья касательно жестокости пэров или же баронетов, каковые ради забавы силою увозят юных дев на некую удаленную ферму. Ужель возможно ожидать иного? Г-жа Морлэнд, однако, столь мало знала о лордах и баронетах, что никаких подозрений относительно их повальной безнравственности не питала и ни на миг не заподозрила, будто их козни грозят ее дочери. Материнские предостереженья ограничились следующим:

– Пожалуйста, Кэтрин, непременно получше кутай горло, когда станешь выходить из зал ввечеру; и, прошу тебя, постарайся записывать свои траты – вот тебе для сего книжица.

Сэлли – точнее, Саре (ибо какая юная дева обыкновенного благородства доживет до шестнадцати лет, не переменяв, насколько возможно, своего имени?) полагается к сему дню быть ближайшей подругой своей сестры и ее наперсницей. Примечательно, однако, что сестра не потребовала от Кэтрин писать со всякой почтою и не понудила к обещанью живописать нрав всякого нового знакомца и подробности всех занимательных бесед, кои в Бате могут приключиться. Всё в отношении важного сего путешествия Морлэнды осуществили с выдержкою и хладнокровьем, кои более пристали обыкновенным переживаниям обыкновенной жизни, чем утонченной впечатлительности, нежным чувствам, каковые надлежит пробудить первой разлуке героини с родными. Отец Кэтрин, взамен открытья для дочери неограниченного кредита у своего банкира или хотя бы врученья кредитного билета на сотню фунтов, выдал Кэтрин всего лишь десять гиней и посулил добавить, когда сие будет ей желанно.

Под столь малообещающей звездою состоялось расставанье и началось путешествие. Свершилось оно в подобающей безмятежности и монотонной безопасности. Ни разбойники, ни бури не оказали путникам вниманья, и ни единый благоприятный случай не свел их с героем. Не произошло ничего серьезного – разве только г-жа Аллен опасалась, что позабыла свои деревянные башмаки на постоялом дворе; но и эти переживания, к счастью, оказались беспочвенны.

Они прибыли в Бат. Кэтрин переполнял жадный восторг; экипаж приближался к изысканным и живописным предместьям, затем катил улицами, что вели к гостинице, и взор юной девы метался туда, сюда и повсюду. Кэтрин приехала в Бат, дабы стать счастливой, и счастье уже осенило ее.

Вскоре они поселились в уютных комнатах на Палтни-стрит.

Ныне целесообразно будет несколько описать г-жу Аллен, дабы читатель в силах был судить, каким манером поступки ее в дальнейшем способствуют перипетиям романного сюжета и как она, вероятно, причастна будет ко всем беспросветным горестям бедной Кэтрин, какие только в состоянии предоставить последний том, – неблагоприятным ли своим, вульгарностью или же завистью, перехватывая письма Кэтрин, развращая ее натуру или же выставив несчастную деву за порог.

Г-жа Аллен принадлежала к многочисленному племени женщин, чье общество может возбудить лишь удивление тем обстоятельством, что на свете нашелся хоть один мужчина, питавший к ней расположение, силою своей достаточное для женитьбы. Дама сия не обладала ни красотой, ни талантами, ни образованием, ни воспитанностью. Благородная наружность, великая умиротворенность, бездеятельный, однако добрый нрав и суетность натуры – больше нечем объяснить, отчего она стала избранницей здорового, разумного г-на Аллена. В одном отношении она замечательно годилась, чтобы ввести юную деву в общество, – как любая молодая дама, г-жа Аллен любила повсюду бывать и все видеть самолично. Она питала страсть к нарядам. Весьма безобидно сия дама наслаждалась собственной элегантностью; и вступление нашей героини в жизнь неумолимо отсрочилось на три-четыре дня, в протяжении коих были изучены популярнейшие уборы, а компаньонка обзавелась наимоднейшим платьем. Равно и Кэтрин свершила некие покупки, и едва сии дела были улажены, настал знаменательный вечер, кой привел ее в «Верхние залы»⁹. Волосы Кэтрин были подстрижены и уложены лучшим куафером, платье надето со всем тщанием, и г-жа Аллен, а также служанка оной провозгласили, что Кэтрин выглядит именно так, как ей надлежит. Сии похвалы внушили Кэтрин надежду, что ей удастся, по меньшей мере, пройти сквозь толпу, не подвергнувшись критике. Что же до восхищения, Кэтрин радовалась, если таковое имело место, однако не рассчитывала на него.

Г-жа Аллен так долго облачалась, что в бальную залу они явились поздно. Сезон был в разгаре, зала полна, и дамы втиснулись внутрь, как могли. Г-н Аллен же направился напрямиком в карточный салон, оставив дам в одиночестве наслаждаться давкой. Более заботясь о неприкосновенности наряда, нежели об удобстве протезе, г-жа Аллен пробиралась сквозь собрание мужчин у двери с поспешностью, кою только позволяли потребные предосторожности; Кэтрин, однако, держалась пообок и столь прочно оплела рукою локоть подруги, что их не могли разъединить потуги бурлящего собрания. Впрочем, к великому своему потрясению, Кэтрин узрела, что ходьба по зале отнюдь не избавляет от толчеи; таковая, пожалуй, возрастала по мере их продвижения, хотя Кэтрин полагала, будто, отойдя от двери подальше, они с легкостью отыщут кресла и смогут в превосходном уюте наблюдать танцы. Сии мечты, однако, оказались далеки от действительности, и хотя посредством неумолимого усердия подруги выбрались к противоположной стене, положение их не переменялось: они не видели танцоров, но лишь длинные перья дам. Они продолжали идти в поисках лучшей доли; неустанные усилия и находчивость вывели их наконец в проход за самой высокой скамьей. Здесь толпа отчасти поредела, и посему юной г-же Морлэнд открылся обширный вид на собрание внизу и на все опасности ее недавнего похода сквозь оное. Зрелище было великолепное, и Кэтрин впервые за вечер почувствовала себя на балу; ей хотелось танцевать, однако в зале не обнаруживалось ни единого знакомца. Г-жа Аллен делала все, что в подобной ситуации возможно, то и дело весьма безмятежно повторяя:

– Жаль, дорогая моя, что вы не танцуете, – хорошо бы вам найти партнера.

Некоторое время юная подруга была ей за подобные желания признательна, однако повторялись они столь часто и оказались столь бездейственны, что Кэтрин в конце концов утомилась и больше г-жу Аллен не благодарила.

⁹ «Верхние залы» – помещение для публичных балов, построенное в Бате в 1771 г. Джоном Вудом-мл. (1728–1781).

Но ненадолго обрели они возвышенный отдых, коего с таким трудом добивались. Вскоре все зашевелились, направляясь пить чай, и подруги принуждены были толкаться вместе с прочими. Кэтрин уже отчасти расстроилась – ее изнурял неотступный напор людей, совокупность лиц коих вовсе не представляла интереса и с коими она была столь бесконечно незнакома, что не могла утишить досаду заточенья обменом парой слов с другим узником; а когда они все-таки прибыли в чайную залу, Кэтрин стало еще неловче, ибо не нашлось группы, к коей можно было присоединиться, знакомца, к коему обратиться, джентльмена, кой поухаживал бы за ними. Г-н Аллен не показывался, и, тщетно поискав более уместного положенья, подруги вынуждены были усесться в конце стола, где уже расположилось большое общество; заняться им было нечем и разговаривать, за исключением друг друга, не с кем.

Едва они уселись, г-жа Аллен поздравила себя с тем, что оберегла платье от пагубы.

– Было бы крайне возмутительно его порвать, – молвила она, – не правда ли? Такой тонкий муслин. Я, например, во всей зале не увидела ничего лучше, уверяю тебя.

– Как это неудобно, – прошептала Кэтрин, – что у нас тут нет ни единого знакомца!

– Да, моя дорогая, – совершенно невозмутимо ответствовала г-жа Аллен, – в самом деле, весьма неудобно.

– Что нам делать? Джентльмены и дамы за столом глядят на нас так, будто не понимают, зачем мы сюда явились, – мы как будто навязываемся их обществу.

– Да уж, действительно. Сие весьма неприятно. Хорошо бы у нас тут имелось множество знакомцев.

– Хорошо бы у нас имелось хоть *сколько-нибудь* – нам было бы к кому подойти.

– Совершенно верно, дорогая моя; знай мы хоть кого-то, мы бы присоединились к ним тотчас. В прошлом году сюда ездили Скиннеры – жаль, что теперь их нет.

– В таком случае нам, быть может, лучше уйти? Видите, для нас нет чашек.

– В самом деле, нет. Как досадно! Но, полагаю, нам лучше посидеть смиренно – в подобной толпе ужасная сумятица. Как у меня прическа, дорогая моя? Кто-то толкнул меня и, боюсь, повредил мне куафюру.

– Нет-нет, она замечательно смотрится. Но, дорогая госпожа Аллен, тут столько народу – вы совершенно уверены, что никого не знаете? По-моему, вы *должны* знать хоть кого-нибудь.

– Никого не знаю, честное слово, – очень жаль. Хорошо бы здешние мои знакомства были обширны; я желала бы сего всем сердцем – тогда я нашла бы тебе партнера. Хорошо бы тебе потанцевать. Взгляни, какая странная дама! Какое чудное у нее платье! Как старомодно! Ты посмотри на спину.

Спустя время сосед предложил им чаю; предложение было с благодарностью принято, и это привело к пустячной беседе с сим джентльменом; то был единственный раз за весь вечер, когда с подругами заговорили; в следующий раз подобное произошло, когда по завершении танца г-н Аллен разыскал их и составил им общество.

– Ну-с, госпожа Морлэнд, – немедленно молвил он, – надеюсь, бал выдался приятный.

– Весьма приятный, – отвечала Кэтрин, вотще пытаясь скрыть отчаянный зевок.

– Жаль, что ей не удалось потанцевать, – прибавила его жена. – Жаль, что я не могла найти ей партнера. Я тут уже говорила, как было бы приятно, если б Скиннеры сюда поехали этим летом, а не прошлым, или если бы приехали Пэрри – они же как-то обмолвились, – и она могла бы потанцевать с Джорджем Пэрри. Как прискорбно, что у нее нет партнера!

– Надеюсь, в иной вечер все обернется удачнее, – вот чем утешил ее г-н Аллен.

Когда окончились танцы, общество рассеялось – достаточно, чтобы оставшимся хватило места расхаживать с некоторым удобством; настала минута, когда героине, коя в событиях вечера играла не слишком заметную роль, надлежит обрести вниманье и восхищенье. Всякие пять минут, отчасти прореживая собрание, отчетливее являли взору ее прелести.

Ныне ее лицезрели многочисленные молодые кавалеры, коим не случалось очутиться подле нее прежде. Ни один, однако, при виде ее не содрогнулся в восторженном изумлении, никакой шепот настойчивых расспросов не прокатился по зале, и ни единожды никто не назвал нашу героиню божеством. Впрочем, Кэтрин выглядела превосходно; если б нынешнее общество узрело ее тремя годами ранее, *теперь* все сочли бы ее чрезвычайной красавицей.

На нее, тем не менее, *взирали*, и не без восхищения: она сама слышала, как двое джентльменов объявили ее миловидной барышней. Слова сии подействовали надлежащим манером; Кэтрин тотчас сочла вечер отраднее, чем ей виделось прежде, скромное ее тщеславие было удовлетворено, и за сию простую похвалу она была признательна двоим юношам более, нежели была бы признательна достоподлинная героиня за пятнадцать сонетов, воспевающих ее прелести; Кэтрин садилась в портшез, всеми довольная и совершенно ублаженная вниманьем общества, доставшимся на ее долю.

Глава III

Ныне всякое утро несло с собою обыденные повинности: надлежало посетить лавки, обозреть очередной городской квартал и посетить бювет, где обе дамы час расхаживали туда-сюда, всех разглядывая и ни с кем не заговаривая. Желанье завести многочисленные знакомства в Бате по-прежнему одолевало г-жу Аллен, и она выказывала таковое после всякого свежего доказательства – имевшего место ежеутренне – своего незнания ни с кем вообще.

Они посетили и «Нижние залы», где судьба оказалась благосклоннее к нашей героине. Распорядитель бала представил ей танца ради весьма благородного молодого человека именем Тилни. Лет двадцати четырех – двадцати пяти, довольно высок, пригож собою; г-н Тилни обладал очень умным и живым взором и, если и не был совершенно красив, немало к сему приближался. Манеры его были хороши, и Кэтрин сочла, что ей широко улыбнулась удача. В протяженьи танцев им редко выдавался шанс побеседовать, но усевшись пить чай, Кэтрин узрела, что партнер ее обаятелен не менее, чем уже ей представляется. Говорил он красноречиво и воодушевленно – и в повадках его обнаруживались лукавство и любезность, кои интересовали юную деву, хотя вряд ли были ею понимаемы. Некоторое время поболтав о том, что естественно проистекало из обстановки, он внезапно обратился к Кэтрин следующим манером:

– До сей минуты, сударыня, я был весьма нерадив касательно знаков вниманья, подбаюющих партнеру; я еще не спросил, долго ли вы пробывали в Бате; бывали ль вы здесь прежде; посетили ль «Верхние залы», театр и концерт; и как вам нравится Бат. Я явил ужасную небрежность – но можете ль вы ныне удовлетворить мое любопытство относительно сих подробностей? Если да, я перейду к расспросам незамедлительно.

– Вам не следует так себя утруждать, сударь.

– Сие не утруждает меня нимало, сударыня, уверяю вас. – И, сложив губы в застылую улыбку и нарочито понизив голос, он не без жеманства молвил, – Давно ль вы пребываете в Бате, сударыня?

– Около недели, сударь, – отвечала Кэтрин, пытаясь сдержать смех.

– Вот как! – с нарочитым изумленьем.

– Отчего вы удивлены, сударь?

– И впрямь – отчего? – отвечал он человеческим тоном. – Но ответу вашему надлежит породить некое чувство, а удивление изображается легче и резонно не менее прочих. Итак, продолжим. Вы никогда не бывали здесь прежде, сударыня?

– Никогда, сударь.

– Неужели? Почтили ль вы своим присутствием «Верхние залы»?

– Да, сударь, я побывала там в понедельник.

– Посетили ль вы театр?

– Да, сударь, я была на представлении во вторник.

– Концерт?

– Да, сударь, в среду.

– И нравится ль вам сей город?

– Да – очень нравится.

– Теперь мне полагается разок ухмыльнуться, и затем мы вновь можем стать разумными людьми.

Кэтрин отвернулась, не понимая, можно ли рассмеяться.

– Я знаю, что вы думаете обо мне, – скорбно молвил он. – Завтра в вашем дневнике я предстану унылой фигурой.

– В моем дневнике!

– Да, я предугадываю всякое ваше слово: пятница, была в «Нижних залах»; надела муслиновое платье в «веточку», голубая отделка; простые черные туфли; смотрелась очень выгодно; однако была странным манером преследуема чудным слабоумцем, кой понуждал меня с ним танцевать и досаждал ерундовой болтовнею.

– Ничего подобного я не напишу.

– Сказать ли, что вам следует написать?

– Если угодно.

– Я танцевала с весьма приятным молодым человеком, коего представил господин Кинг; мы много беседовали – похоже, умен совершенно невероятно – надеюсь, мы познакомимся ближе. *Вот* что, исполнись мое желанье, появилось бы в вашем дневнике, сударыня.

– Но, быть может, я вовсе не веду дневника.

– Быть может, вы не сидите в сем зале, а я не сижу подле вас. В сих фактах равно возможны сомненья. Не ведете дневник! А как же далеким вашим кузинам постичь без дневника течение вашей жизни в Бате? Как надлежало пересказать каждодневные любезности и комплименты, если не записывать их всякий вечер? Как запомнить всевозможные ваши наряды, как описать особый цвет вашего лица и извив волос во всем их разнообразьи, не прибегая постоянно к дневнику? Дражайшая моя сударыня, я не столь не сведущ в привычках юных дам, сколь вам было бы желательно; сие восхитительное пристрастие к ведению дневников и способствовало созданию изящного стиля письма, за кой повсеместно столь восхваляемы дамы. Всякий согласится, что исключительно дамы располагают талантом к написанию отрадных писем. Вероятно, к сему приложила руку и природа, но я убежден, что в основном сему содействует привычка вести дневник.

– Я порой думаю, – с сомненьем заметила Кэтрин, – взаправду ли дамы настолько лучше джентльменов пишут письма! То есть – я бы не сказала, что превосходство неизменно на нашей стороне.

– Насколько я имел возможность судить, мне представляется, что у дам стиль писем безупречен, не считая трех частных.

– И каковы же они?

– Как правило, отсутствие предмета обсуждения, совершеннейшее невниманье к знакам препинанья и зачастую пренебреженье грамматикою.

– Ну честное слово! Не стоило мне отвергать комплимент. В рассуждении писем вы и так цените нас не слишком высоко.

– Я не более готов утверждать, будто женщины непременно лучше мужчин пишут письма, нежели будто женщины лучше поют дуэты или лучше рисуют пейзажи. Во всех дарованьях, что коренятся во вкусе, способности распределены меж полами довольно справедливо.

Их прервала г-жа Аллен.

– Дорогая моя Кэтрин, – сказала она, – вынь у меня из рукава булавку, будь добра; боюсь, она уже прорвала дыру; в таком случае я буду горевать, ибо это мое любимое платье, хоть и стоило каких-то девять шиллингов за ярд.

– Я так сразу и подумал, сударыня, – заметил г-н Тилни, озирая муслин.

– Вы разбираетесь в муслине, сударь?

– И притом блестяще; я всегда сам покупаю себе галстуки, и меня почитают отличным знатоком; а сестра моя нередко доверяет мне выбор своих платьев. На днях я приобрел ей платье – всякая дама, его узревшая, объявила бы сей туалет изумительно выгодным приобретеньем. Всего пять шиллингов за ярд – и настоящий индийский муслин.

Г-жу Аллен его таланты потрясли.

– Обычно мужчины столь мало вниманья уделяют подобному, – сказала она. – Я никак не могу обучить господина Аллена различать мои наряды. Вероятно, сударь, вы – великое утешенье для своей сестры.

– Надеюсь, сударыня.

– И, прошу вас, поведайте, что думаете вы о платье госпожи Морлэнд, сударь?

– Оно очень красиво, сударыня, – отвечал он, серьезно его изучая, – однако сомневаюсь, что оно моется хорошо; боюсь, оно обтреплется.

– Как вы можете, – засмеялась Кэтрин, – быть таким... – Она чуть не произнесла «странным».

– Я вполне с вами согласна, сударь, – молвила г-жа Аллен, – я так и сказала юной госпоже Морлэнд, когда она его купила.

– Нос другой стороны, сударыня, от муслина всегда выходит та или иная польза; госпоже Морлэнд достанет на платок, чепец или же накидку. Муслин не бывает потрачен впустую. Я сорок раз слышал, как сие говорила моя сестра, когда по сумасбродству покупала больше, нежели хотела, или неосторожно резала его на куски.

– Бат – чарующий город, сударь; здесь столько превосходных лавок. У нас в провинции с сим дело обстоит прискорбно; нет, у нас, конечно, имеются превосходные лавки в Солсбери, но он так далеко: восемь миль – долгий путь; господин Аллен утверждает, что девять, ровно девять, но я уверена, что больше восьми никак не может быть; и сие так утомительно – я возвращаюсь, устала я до смерти. А здесь шагаешь за дверь и приобретаешь потребное за пять минут.

Г-ну Тилни хватило вежливости изобразить интерес к ее повествованию; и до возобновленья танцев г-жа Аллен не отступала от беседы о муслине. Кэтрин, слушая их разговор, опасалась, что ее партнер капельку чересчур увлекается чужими слабостями.

– О чем вы размышляете столь серьезным манером? – осведомился он, когда они вновь направились в бальную залу. – Не о своем партнере, я надеюсь, ибо, судя по тому, как вы качаете головою, раздумья ваши не из приятных.

Покраснев, Кэтрин отвечала:

– Я ни о чем не думала.

– Сие, разумеется, весьма хитро и глубоко, но мне было бы приятнее, если б вы тут же сообщили, что не скажете мне.

– Ну хорошо, я вам не скажу.

– Благодарю вас, ибо теперь мы вскоре станем близкими знакомцами: я вправе дразнить вас на сей счет при всякой встрече, а ничто на свете не способствует задушевности более.

Они снова танцевали и, когда бал завершился, расстались с немалой склонностью – по меньшей мере, со стороны дамы – продолжить знакомство. Невозможно сообщить достоверно, до того ли много думала она о нем, когда пила теплое вино с водою и готовилась улечься в постель, что о нем же грезила, в одной постели оказавшись; но надеюсь, что разве только в легкой дреме или предутреннем полусне; ибо если правда, как утверждает прославленный писатель, что нет оправданий влюбленности юной девы, прежде чем в любви ей признался джентльмен¹⁰, юной деве было бы весьма неприятно грезить о джентльмене прежде, чем станет известно, что джентльмен грезил о ней. Мысль о том, сколь приемлем г-н Тилни в рассужденьи сновидений или же любви, пожалуй, еще не посетила г-на Аллена, однако последний, свершив расспросы, уверился, что не питает возражений против обыкно-

---

¹⁰ См. письмо г-на Ричардсона, «Рэмблер» № 97, том II. – *Прим. автора.* Имеется в виду эссе английского писателя Сэмюэла Ричардсона (1689–1761), опубликованное 19 февраля 1751 г. в указанном номере журнала, который в 1750–1752 гг. издавался английским поэтом, эссеистом, биографом, лексикографом и критиком Сэмюэлом Джонсоном (1709–1784).

венного знакомства своей подопечной с молодым человеком, ибо в начале вечера, утрудившись выяснениями личности ее партнера, выяснил, что г-н Тилни – священник и происходит из крайне уважаемого глостерширского семейства.

Глава IV

С пылом жарче обычного спешила Кэтрин назавтра в бювет, убежденная, что до исхода утра встретит там г-на Тилни, и готовая предстать оному с улыбкою на устах; улыбки, впрочем, не потребовалось – г-н Тилни не явился. Любая живая душа в Бате, за исключением г-на Тилни, посетила бювет в ту или иную минуту в протяженьи людных часов; толпы народу всякий миг входили и выходили, поднимались и спускались по лестнице; людей, кои всем были безразличны и коих никто не желал видеть; и лишь один г-н Тилни не показывался.

– Сколь восхитителен Бат, – заметила г-жа Аллен, едва они сели подле больших часов, утомившись расхаживать по зале, – и сколь был бы он приятен, заведи мы тут знакомцев.

Уж который раз сие соображение излагалось втуне, и у г-жи Аллен не имелось особых резонов надеяться, что последствия его ныне окажутся благоприятнее; однако нас учат, что если мы «в дерзаниях отвергнем ретираду», наш «труд упорный удостоится награды»; и упорный труд г-жи Аллен, что ни день твердившей, как мечтает она об одном, был вознагражден в конце концов, ибо не успела она просидеть и десяти минут, как некая дама, примерно ее ровесница, сидевшая подле и несколько минут взиравшая на г-жу Аллен весьма пристально, с великой учтивостью изрекла:

– Мне представляется, сударыня, что я вряд ли ошибаюсь; много времени миновало с тех пор, как я имела удовольствие лицезреть вас, но не Аллен ли ваша фамилия?

Едва ответ на сие вопрошенье был дан – и с немалой охотою, – незнакомка сообщила, что ее фамилия Торп; и г-жа Аллен тотчас же признала черты бывшей соученицы и близкой подруги, кою после ее и своего замужества видела всего единожды, да и то много лет назад. Встрече они возрадовались несказанно – само собой, ибо пребывали довольны, минувшие пятнадцать лет не ведая друг о друге ничего. Далее последовали комплименты наружностям; а затем, отметив, как пролетело время с их последней встречи, сколь мало они предполагали встретиться в Бате и как прелестно вновь увидеть старую подругу, дамы перешли к расспросам и известиям о семьях, сестрах и родне, треща одновременно, охотнее излагая сведенья, нежели их воспринимая, и толком друг друга не слыша. Г-жа Торп, впрочем, располагала серьезным ораторским преимуществом, ибо имела детей; и в то время как она разглагольствовала о талантах сыновей и красоте дочерей, повествовала о разнообразных их положеньях и будущностях – Джон в Оксфорде, Эдвард в Мёрчант-Тейлорз¹¹, а Уильям в морях – и о том, что всех троих окружающие любят и почитают, как никогда не любили и не почитали ни одной троицы на свете, г-жа Аллен подобной информации сообщить не могла, не располагала возможностью навязать сходные триумфы недовольному и недоверчивому слуху подруги и посему принуждена была сидеть и делать вид, будто внимает материнским излияньям, а между тем утешать себя открытjem – кое вскоре свершил ее острый взор, – что кружева накидки у г-жи Торп и в половину не так красивы, как на ее собственной.

– А вот и мои ненаглядные девочки, – вскричала г-жа Торп, указывая на трех изысканных девиц, что приближались к ней, сплетя руки. – Дражайшая моя госпожа Аллен, я жажду представить их вам, они будут так счастливы с вами познакомиться; выше всех – Изабелла, моя старшенькая; блестящая юная дама, что скажете? Другими тоже все восхищаются, но я считаю, что Изабелла красивее всех.

Юные г-жи Торп были представлены, и равно представлена была позабытая ненадолго юная г-жа Морлэнд. Имя ее, очевидно, всех поразило, и, явив великую учтивость в беседе, старшая дева вслух заметила прочим:

---

¹¹ Мёрчант-Тейлорз – одна из девяти старейших в Англии мужских средних школ, основанная в 1561 г. и расположенная в Нортвуде, неподалеку от Лондона.

– Как замечательно похожа юная госпожа Морлэнд на своего брата!

– Одно лицо! – вскричала их мать, и:

– Как же я не сообразила, что это его сестра! – повторили они все раза два или три.

Кэтрин было растерялась, но, не успели г-жа Торп и ее дочери толком приступить к истории своего знакомства с г-ном Джеймсом Морлэндом, как наша героиня припомнила, что недавно в колледже старший брат ее близко подружился с юношей по фамилии Торп и последнюю неделю рождественских каникул провел с семьей друга неподалеку от Лондона.

Все разъяснилось, и сестры Торп извергли немало любезностей: они желают ближе познакомиться с юной г-жою Морлэнд, уже считают ее своей подругою, ибо дружат с ее братом и т.п., – каковые Кэтрин выслушала с удовольствием и отразила всеми приятственными выраженьями, какие только пришли на ум; и в рассужденьи первого залога дружества ей вскоре предложено было принять руку старшей сестры Торп и прогуляться по зале. От подобного расширения круга знакомцев в Бате Кэтрин возликовала и, беседуя с юной г-жою Торп, почти забыла о г-не Тилни. Воистину, дружба – наилучший бальзам от более разочарованной любви.

Беседа их обратилась к вопросам, коих свободное обсуждение нередко приводит к усугублению внезапной близости двух юных дам, как то: платья, балы, флирты и посмешища. Юная г-жа Торп, однако, будучи старше юной г-жи Морлэнд четырьмя годами и по меньшей мере четырьмя годами более сведуща, в подобных диспутах имела безусловное преимущество; она способна была сравнить балы в Бате с таковыми в Танбридже, моды Бата с модами Лондона; могла отточить мненья новой подруги касательно многочисленных деталей изящного туалета; умела распознать флирт меж любыми джентльменом и дамою, кои лишь обменялись улыбками; и в гуще толпы различала посмешище. Сии таланты снискали заслуженное восхищенье Кэтрин, будучи для нее совершенно новыми, а уваженье, кое они естественно порождали, могло бы оказаться чрезмерным для такого знакомства, если б непринужденная веселость, отличавшая манеры юной г-жи Торп, и ее частые восторги относительно знакомства не сглаживали всякий трепет, оставляя в душе Кэтрин только нежное расположение. Их крепнувшая привязанность не довольствовалась полудюжиной кругов по зале, но, когда все дамы из залы отбыли, понудила юную г-жу Торп проводить юную г-жу Морлэнд до самых дверей г-на Аллена; там они расстались с наинейшим и продолжительнейшим рукопожатьем, ко взаимному облегченью узнав, что свидятся в театре вечером и будут молиться в одной церкви наутро. Кэтрин тотчас помчалась наверх и из окна гостиной наблюдала, как юная г-жа Торп шагает по улице; Кэтрин восхищалась изяществом ее походки, фешенебельностью стати и наряда и была, само собой, признательна и благодарна случаю, что свел ее с такой подругою.

Г-жа Торп была вдовою, и к тому же не слишком богатой; благодушная добродетель и весьма снисходительная мать. Старшая дочь ее обладала немалой красотой, а младшие, прикидываясь, будто красивы не менее, копируя манеры сестры и одеваясь в сходном стиле, успехом пользовались немалым.

Сие краткое живописанье семейства Торп призвано устранить необходимость в долгом и обстоятельном повествованьи лично г-жи Торп о ее приключеньях и горестях, кое в противном случае навряд ли заняло бы следующие три либо четыре главы; в них подчеркивалась бы никчемность лордов и стряпчих, а беседы, имевшие место двадцать лет назад, были бы пересказаны дословно.

Глава V

В тот вечер кивки и улыбки в ответ на таковые юной г-жи Торп не настолько завладели вниманием Кэтрин – хотя, разумеется, отнимали львиную долю ее досуга, – чтобы вопрошающим взором не искать г-на Тилни во всякой ложе, коей достигал взгляд; однако поиски были тщетны. Пьеса оказалась по душе г-ну Тилни не более бювета. Кэтрин надеялась, что завтра ей повезет больше, и, когда моленья о ясной погоде были услышаны и взору предстало великолепное утро, едва ли усомнилась; ибо доброе воскресенье в Бате опустошает всякий дом, и все на свете по такому случаю выходят погулять и известить знакомцев, сколь очаровательный выдался денек.

По завершении богослужения дамы Торп и Аллены пылко воссоединились; побыв в бювете, дабы удостовериться, что толпа невыносима, а взору не явлено ни единого благородного лица, – в чем удостоверяется каждый всякое воскресенье сезона, – они заспешили прочь к Полумесяцу¹², дабы вдохнуть свежего воздуха более подходящего общества. Здесь Кэтрин и Изабелла, сплетя руки, вновь отведали сладости дружбы в теплой беседе; говорили они много и с превеликим удовольствием, однако надежды Кэтрин вновь повстречаться с партнером снова не сбылись. Его нигде не было видно; всякие поиски в утренних салонах или на вечерних балах равно оборачивались неудачей; ни в «Верхних», ни в «Нижних залах», ни на парадных или же непарадных балах не показывался он; и отсутствовал среди гуляющих, наездников или возниц кюррикелей поутру. Имя его не значилось в учетной книге бювета, и на сем любопытство сложило оружие. Вероятно, он покинул Бат. Но ведь он не говорил, что пребыванье его здесь будет столь кратким! Подобная таинственность, что неизменно так идет герою, освежила обаяние внешности его и манер в воображении Кэтрин и разожгла ее стремление разузнать о нем побольше. Дамы Торп ничего не в силах были сообщить, ибо до встречи с г-жою Аллен пробыли в Бате всего два дня. Впрочем, сей предмет Кэтрин нередко позволяла себе обсуждать с прелестной своей подругой; та всевозможными способами потворствовала этой склонности, и посему образ г-на Тилни в фантазиях Кэтрин не померк. Изабелла абсолютно не сомневалась, что он очаровательный молодой человек, и равно – что он в восторге от драгоценнейшей ее Кэтрин и вскоре возвратится. Он был священником и поэтому нравился Изабелле еще больше – «ибо она должна признаться, что весьма равнодушна к сему занятию»; при этих словах некое подобье вздоха сорвалось с ее уст. Быть может, Кэтрин напрасно не спросила, какова причина столь нежных чувств, – но она была недостаточно опытна в тонкостях любви или долге дружбы и не знала, когда приличествует мягко пошутить, а когда потребно вынудить к откровенности.

Г-жа Аллен была вполне счастлива – вполне довольна Батом. Она отыскала знакомцев, ей повезло обнаружить, что оные – семейство бесценной старой подруги, и в довершение ко всему выяснилось, что знакомцы сии наряжены гораздо скромнее, чем она сама. Ныне каждодневные ее излиянья не гласили более: «Хорошо бы у нас завелись знакомства в Бате!» Они сменились на: «Как я рада, что мы повстречались с госпожою Торп!»; г-жа Аллен подерживала общение семей с пылом, что в совершенстве отвечал желаньям ее подопечной и Изабеллы, и не бывала довольна прошедшим днем, если он не проводился главным образом подле г-жи Торп; дамы заняты были тем, что почиталось ими беседою, но почти избавлено было от обмена мнениями и нередко лишено даже подобия предмета, ибо г-жа Торп болтала все больше о детях, а г-жа Аллен – о платьях.

---

¹² (Королевский) Полумесяц – круглый архитектурный ансамбль в Бате, построенный в 1767–1774 гг. по проекту Джона Вуда-мл.

Развитие дружбы меж Кэтрин и Изабеллой протекало быстро, ибо началась сия дружба жарко, и они до того стремительно миновали все ступени растущей нежности, что вскоре уж не осталось свежих доказательств оной, кои возможно было предъявить друзьям или же себе. Они звали друг друга по имени, неизменно гуляли под руку, подкалывали друг другу шлейфы пред балами и не соглашались расставаться в протяженьи танцев; когда же дождливое утро лишало их прочих увеселений, юные девы по-прежнему полнились решимостью встретиться, невзирая на морось и слякоть, и запирались, дабы вместе читать романы. Вот именно, романы; ибо я не склонюсь к невеликодушному и неразумному обычаю, столь распространенному среди романистов, пренебрежительным осуждением унижать те самые книги, что прирастают отчасти сих романистов стараниями, – не стану поддерживать их злейших недругов, награждая подобные книги нелестнейшими эпитетами и едва ли позволяя читать оные книги собственной героине, каковая, случись ей открыть роман, листает его пресные страницы с непререваемым отвращением. Увы! Если героиню одного романа не станет опекать героиня другого, от кого ждать ей защиты и расположения? Я сего одобрить не могу. Пусть критики на досуге поливают грязью подобные излишня фантазии и обо всяком новом романе мелют банальную чепуху, коей полнится ныне наша пресса. Не оставимте друг друга; все мы оскорблены. Произведения наши даруют наслаждение длительнее и непритворнее, чем работы любых литературных гильдий в мире, и однако же никакие более образчики сочинительства не подвергаются столь обширной хуле. Ввиду гордости, невежества или дани моде враги наши числом своим почти сравнялись с читателями. И в то время как таланты девятисотого редактора, сократившего «Историю Англии»¹³, или человека, что собирает и публикует в одном томе несколько десятков строк Милтона, Поупа и Прайора¹⁴ вместе с сочинениями из «Спектейтора»¹⁵ и главою из Стерна¹⁶, превозносятся тысячью перьев, все кому не лень жаждут принизить дарования и умалить труд романиста, пренебречь книгою, в пользу коей говорят лишь талант, остроумье и вкус. «Я романов не читаю... Я редко заглядываю в романы... Не подумайте, будто я часто читаю романы... Ну, для романа сойдет». Вот оно, обычное ханжество. «А что это вы читаете, госпожа?..» – «Ой, да всего лишь роман!» – отвечает молодая дама, с притворным равнодушьем или мгновенным смущением откладывая том. «Всего лишь «Цецилию», или «Камиллу», или «Белинду»¹⁷»; говоря кратко, всего лишь книгу, в коей явлены величайшие таланты души, наитщательнейше отточенным языком представлены миру глубочайшее знание человеческой природы, великолепнейшие очерки ее во всем разнообразьи, живейшие излишня остроумия и юмора.

¹³ «История Англии» («The History of England from the Earliest Times to the Death of George II») – многотомная работа ирландского писателя, поэта и физика Оливера Голдсмита (1730–1774), впервые изданная в 1771 г., а затем пережившая множество сокращенных переизданий.

¹⁴ Джон Милтон (1608–1674) – английский поэт, публицист и деятель Английской республики, более всего известный своей поэмой «Потерянный рай» (1667). Мэтью Прайор (1664–1721) – английский поэт и дипломат.

¹⁵ «Спектейтор» («The Spectator») – британский журнал, созданный Джозефом Эддисоном (1672–1719) и Ричардом Стилом (1672–1729), в 1711–1712 гг. выходивший как ежедневное издание, затем возрожденный в 1714 г. и выходивший трижды в неделю, а затем вновь восстановленный как еженедельник и в таком режиме выходящий с 1828 г. по сей день. В изначальной версии журнала главными персонажами фигурировали г-н Спектейтор (Очевидец) и члены Клуба Очевидцев, которые так или иначе участвовали в типических событиях современности и их комментировали; в конце XVIII – начале XIX в. все номера первого «Спектейтора» выходили многотомным изданием, которое было весьма популярно и считалось образцом стиля и правильного подхода к жизни.

¹⁶ Лоренс Стерн (1713–1768) – англо-ирландский романист и англиканский священник, автор романов «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» («The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman», 1759–1769), «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» («A Sentimental Journey Through France and Italy», 1768), а также проповедей и мемуаров.

¹⁷ «Цецилия, или Воспоминания наследницы» («Cecilia: Or, Memoirs of an Heiress», 1782) и «Камилла, или Воплощенная юность» («Camilla: Or, A Picture of Youth», 1796) – романы английской писательницы Фрэнсис (Фэнни) Бёрни (в замужестве д'Арблэ, 1752–1840), после смерти более всего прославившейся своими дневниками. «Белинда» («Belinda», 1801) – роман англо-ирландской писательницы Марии Эджуорт (1767–1849)

И однако, будь та же молодая дама занята чтением не подобного произведения, но «Спектейтора», с какой гордостью предъявила бы она книгу и сообщила бы ее название; впрочем, пожалуй, маловероятно, чтобы она увлеклась любым томом объемистого сего издания, коего суть и стиль не оскорбили бы молодую персону, располагающую вкусом: в содержании сих страниц с неумеренной частотою обнаруживаются невероятные обстоятельства, неестественные характеры и предметы бесед, никого из живых более не волнующие; кроме того, слог их нередко столь груб, что не делает чести эпохе, способной подобный язык терпеть.

Глава VI

Нижеизложенная беседа, имевшая место меж подругами однажды утром в бювете, после восьми или девяти дней знакомства, приводится как образчик горячей их взаимной симпатии, а равно тонкости, благоразумья, оригинальности мышления и литературного вкуса, каковые отмечали оной симпатии резонность.

Они договорились о встрече; и поскольку Изабелла явилась почти пятью минутами ранее подруги, первая же реплика, естественно, гласила:

– Драгоценнейшее созданье, что тебя так задержало? Я жду тебя по меньшей мере вечность!

– Правда? Мне ужасно жаль; а я-то думала, что приду вовремя. Всего лишь час дня. Надеюсь, ты недолго здесь пробыла?

– Ах! Десять столетий, не меньше. Честное слово, уж полчаса. Но теперь пойдем, присядем вон там в углу и станем блаженствовать. Я хотела поведать тебе сотню разных разностей. Во-первых, я так боялась, что утром пойдет дождь, – я как раз собиралась выходить; прямо ливень надвигался, и это бы меня убило! И знаешь, в витрине на Милсом-стрит я вот только что видела наикрасивейшую в мире шляпку – очень похожа на твою, только ленты маковые, а не зеленые; жизнь бы за нее отдала. Но, драгоценная моя Кэтрин, чем ты нынче занималась? Читала ли дальше «Удольфские тайны»¹⁸?

– Да, стала читать, едва проснулась; я уже добралась до черной вуали.

– Ой, правда? Как прелестно! Ах! Ни за что на свете не скажу тебе, что под черной вуалью! Тебе же страсть как хочется знать, а?

– О, ну еще бы, очень – что бы это могло быть? Только не говори – ни за что на свете слушать не хочу. Наверняка скелет; я уверена, – там скелет Лаурентины¹⁹. О, я в восторге от этой книги. Уверяю тебя, если б не встреча с тобою, я бы ни за что с нею не рассталась.

– Драгоценное созданье! Как я тебе признательна; а когда дочитаешь «Удольфские тайны», мы вместе прочтем «Итальянца»²⁰; и я составила для тебя список – еще десяток романов, а то и дюжина.

– Честно? Ой, как я рада! Какие же?

– Одну минуту, я зачту; вот они у меня в памятной книжке. «Замок Вулфенбах», «Клермонт», «Таинственные предостережения», «Некромант из Черного Леса», «Полуночный колокол», «Рейнский сирота» и «Жуткие тайны»²¹. На сем мы некоторое время продержимся.

¹⁸ «Удольфские тайны» («The Mysteries of Udolpho», 1794) – готический роман английской писательницы Энн Рэдклифф (1764–1823).

¹⁹ Имеется в виду леди Лаурентины, которая таинственно пропала в Удольфском замке; впоследствии главная героиня выясняет, что леди Лаурентины не мертва, как предполагалось, но много лет прожила в монастыре под именем Агнес.

²⁰ «Итальянец, или Тайна одной исповеди» («The Italian, or the Confessional of the Black Penitents», 1797) – готический роман Энн Рэдклифф.

²¹ «Замок Вулфенбах» («Castle of Wolfenbach», 1793) – готический роман Элайзы Парсонз (1740 или 1748–1811), написавшей более 60 томов, дабы содержать себя и своих детей после смерти мужа. «Клермонт: повесть» («Clermont: a Tale», 1798) – произведение ирландской писательницы Реджайны Марии Рош (1764–1845), ее единственный подлинно готический роман. «Таинственные предостережения: германская повесть» («The Mysterious Warning, a German Tale», 1796) – готический роман Элайзы Парсонз. «Некромант, или Повесть Черного Леса, основанная на фактах; переведено с немецкого Лоренса [Людвига] Фламменберга Петером Тойтхолдом» («The Necromancer; or, The Tale of the Black Forest, Founded on Facts: Translated from the German of Lawrence Flammenberg by Peter Teuthold», 1794) – роман Карла Фридриха Калерта, написанный под псевдонимом; британский писатель и исследователь Майкл Сэдлер (1888–1957) полагает, что этот роман, если и происходит из Германии в действительности, является «адаптированной антологией легенд Черного Леса», а не полным переводом одного произведения. «Полуночный колокол. Германская история, основанная на событиях из реальной жизни» («The Midnight Bell. A German Story, Founded On Incidents in Real Life», 1798) – готический роман английского писателя и драматурга Фрэнсиса Лэтома (1774–1832). «Рейнский сирота. Роман» («The Orphan of the Rhine. A Romance», 1798) – роман английской писательницы Элинор Слит. «Жуткие тайны. Повесть с немецкого маркиза Гросса» («The Horrid

– Да, и весьма неплохо; но все ли они жуткие – ты уверена, что они жуткие?

– О да, вполне; ибо моя близкая подруга, некая юная госпожа Эндрюс – прелестная девушка, одно из прелестнейших созданий на земле – их все прочла. Хорошо бы тебе познакомиться с юной госпожой Эндрюс – ты бы ее полюбила. Она вяжет себе прелестнейшую в мире накидку. Мне представляется, она прекрасна, как ангел, и я ужасно злюсь, когда мужчины ею не восхищаются! Потрясающе их за это браню.

– Бранишь! Ты бранишь их за то, что они не восхищаются ею?

– Ну да. Я бы все на свете сделала для тех, кто мне поистине друг. Любить человека наполовину – это не по мне; натура не позволяет. Мои привязанности всегда непомерны. Зимою я как-то сказала капитану Ханту на балу, что раз он меня дразнит, я не буду с ним танцевать, – или же пускай признает, что юная госпожа Эндрюс красотой подобна ангелу. Мужчины, видишь ли, думают, будто мы не способны на истинную дружбу, – так я им докажу, что они ошибаются. Услышь я, как некто пренебрежительно отзывается о тебе, я бы тут же взбеленилась; но сие очень маловероятно, ибо *ты* из тех девушек, что среди мужчин пользуются великим успехом.

– Ох батюшки! – краснея, вскричала Кэтрин. – Отчего ты так говоришь?

– Я хорошо тебя знаю; ты такая живая – как раз сего и недостает юной госпоже Эндрюс, ибо, должна признать, имеется в ней такая потрясающая пресность. Ах! Надо тебе рассказать: вчера, едва мы расстались, я видела, сколь пылко взирал на тебя некий молодой человек, – я уверена, он в тебя влюблен. – Кэтрин покраснела и вновь возмутилась. Изабелла отвечала со смехом: – Истинная правда, клянусь тебе, но я разумею, как обстоит дело: ты равнодушна к восхищению любого, кроме того единственного джентльмена, коему надлежит остаться безмянным. Нет-нет, я не могу тебя упрекнуть, – заговорила она серьезнее, – чувства твои совершенно понятны. Когда сердце воистину полонено, я знаю, сколь мало удовольствия даруют знаки вниманья всех прочих. Все, что не касается возлюбленного предмета, – такое унылое, такое неинтересное! Я абсолютно постигаю твои чувства.

– Но тебе не следует понуждать меня столько думать о господине Тилни – может, я его больше и вовсе не увижу.

– Не увидишь! Драгоценнейшее созданье, не говори такого. Я уверена, мысли об этом разбивают тебе сердце.

– Да нет, вовсе нет. Я не притворяюсь, будто он не доставил мне великой радости; но пока не дочитаны «Удольфские тайны», пожалуй, никто не сможет разбить мне сердце. Ах! Устрашающая черная вуаль! Милая моя Изабелла, я уверена, за ним наверняка таится скелет Лаурентины.

– Так странно, что ты прежде не читала «Тайн»; но, полагаю, госпожа Морлэнд возражает против романов.

– Отнюдь нет. Она и сама то и дело читает «Сэра Чарлза Грандисона»²²; однако новые книги к нам попадают редко.

– «Сэр Чарлз Грандисон»! Потрясающая книга, такая жуткая, правда? Помнится, юная госпожа Эндрюс и первого тома не одолела.

– На «Удольфские тайны» совсем непохожа; и все-таки, по-моему, очень увлекательная.

– Ты так думаешь? Удивительно; я думала, ее совершенно невозможно прочесть. Но, драгоценная моя Кэтрин, знаешь ли ты уже, что сегодня надеть на голову? Я полна реши-

---

Mysteries. A Story From the German Of The Marquis Of Grosse», 1796) – роман немецкого писателя Карла Гросса «Der Genius», переведенный на английский лютеранским священником Петером Биллем.

²² «История сэра Чарлза Грандисона» («The History of Sir Charles Grandison», 1753) – эпистолярный роман Сэмюэла Ричардсона.

мости во всех собраниях одеваться в точности как ты. Мужчины, знаешь ли, такое порой замечают.

– Если и замечают, сие незаметно, – весьма невинно отметила Кэтрин.

– Не заметно! Ах, Господи! Я взяла за правило никогда не обращать вниманья на их слова. Зачастую мужчины потрясающе дерзки, если не выказывать бойкости и не держать их на расстоянии.

– Правда? Ну, ничего такого я не замечала. Со мной они всегда очень милы.

– Ой, это они притворяются. Самые надменные создания на земле, и притом мнят себя такими важными! Кстати говоря, я столько раз хотела спросить, но все забывала – какие мужчины тебе нравятся больше? Ты больше любишь светлых или смуглых?

– Даже не знаю. Никогда особо не задумывалась. Пожалуй, нечто среднее. Не бледных и... и не очень смуглых.

– Замечательно, Кэтрин. Я его узнаю. Я помню, как ты описывала господина Тилни, – «смуглая кожа, темные глаза и довольно темные волосы». Что ж, у меня иные вкусы. Я предпочитаю светлые глаза, а что до обличья – ну, знаешь... бледные мне нравятся больше всех. Не выдай меня, если среди твоих знакомцев обнаружишь того, кто с сим портретом схож.

– Выдать! О чем ты?

– Нет-нет, не расстраивай меня. Мне чудится, я и так чересчур много разболтала. Давай оставим эту тему.

В некотором изумлении Кэтрин подчинилась и, несколько мгновений помолчав, уже собралась было вернуться к вопросу, кой в ту минуту интересовал ее более всего на свете, – скелету Лаурентины, – однако Изабелла предотвратила сие, молвив:

– Ради Бога, давай уйдем из этого угла. Два мерзких юноши, знаешь ли, глазют на меня уже полчаса. Меня это выводит из себя, честное слово. Пойдем поглядим, кто сюда приходил. Вряд ли они пойдут за нами.

Юные девы направились к учетной книге; и пока Изабелла прочитывала имена, Кэтрин надлежало следить за передвиженьями пугающих молодых людей.

– Они же не идут сюда, правда? Надеюсь, они не настолько дерзки и за нами не последуют. Прошу тебя, скажи, если они приближаются. Я ни за что не подыму головы.

Спустя краткое время Кэтрин с неприятным удовольствием сообщила, что Изабелле не нужно более нервничать, ибо джентльмены покинули бювет.

– А куда они пошли? – спросила Изабелла, стремительно оборачиваясь. – Один из них был весьма симпатичен.

– К церковному двору.

– Что ж, я потрясающе рада, что от них избавилась! Давай сходим в Эдгарз-билдингз, я покажу тебе мою новую шляпку? Ты же говорила, что хочешь взглянуть.

Кэтрин охотно согласилась.

– Вот только, – прибавила она, – мы, наверное, догоним этих молодых людей.

– Ой, да не переживай. Мы их тут же обгоним, если поспешим, а мне до смерти хочется показать тебе шляпку.

– Но нам вовсе не грозит встреча с ними, если обождем всего несколько минут.

– Я не окажу им такой любезности, уверяю тебя. Я совершенно не желаю выказывать мужчинам подобное уважение. Так их только избалуешь.

На сии резоны Кэтрин нечего было возразить; и посему, дабы явить независимость юной г-жи Торп и ее решимость унижить сильный пол, девы тотчас со всей возможной быстротою устремились вослед двум молодым людям.

Глава VII

За полминуты они одолели двор бьюета и приблизились к арке против Юнион-пэссидж; здесь, однако, движение их застопорилось. Всякий, кто знаком с Батом, припомнит, сколь затруднительно пересечь здесь Чип-стрит; воистину, улица сия обладает до того дерзкой натурою и столь неудачным манером примыкает к большим дорогам на Лондон и Оксфорд, а равно к центральному постоялому двору города, что и дня не проходит, когда собрания дам – сколь важные дела ни гнали бы их вперед: поиски ли сдобы, модистки или же (как в нынешнем случае) молодых людей, – не бывали задержаны на той или же иной стороне экипажами, наездниками либо телегами. Злосчастье сие переживалось и оплакивалось Изабеллой по меньшей мере трижды на дню с самого прибытия в Бат; и ныне она обречена была переживать и оплакивать сие вновь, ибо едва дамы появились против Юнион-пэссидж и узрели двух джентльменов, кои лавировали в толпе и пробирались по канавам занимательного сего переулка, дорогу перегородила подъехавшая двуколка, по разбитой дороге ведомая на редкость умелым, по виду судя, возницей со всею страстью, коя способна весьма успешно подвергнуть опасности жизнь его самого, его спутника, а равно его жеребца.

– Ах, эти гнусные двуколки! – молвила Изабелла, вздернув голову. – Как я их ненавижу. – Впрочем, столь праведная сия неприязнь прожила недолго, ибо Изабелла взгляделась и воскликнула: – Какая прелесть! Господин Морлэнд и мой брат!

– Батюшки! Это же Джеймс! – одновременно с нею молвила Кэтрин; и, едва девы поймали взгляд молодых людей, жеребец был тотчас остановлен с яростью, коя чуть не усадила животное на круп, – и вот уже мчится слуга, джентльмены выскакивают, и экипаж препоручается лакейским заботам.

Кэтрин, коя подобного столкновенья никак не ждала, приветствовала брата с живейшим удовольствием; он же, обладая весьма приятным нравом и будучи искренне привязан к сестре, явил все возможные доказательства равного удовлетворенья, какие только успевал, ибо ясные глаза юной г-жи Торп беспрестанно притягивали его вниманье; оной деве долг вежливости был уплачен споро, со смесью радости и смущенья, кои сообщили бы Кэтрин – будь она опытнее в чужих сердечных делах и не столь увлечена собственными, – что брат полагает Изабеллу столь же красивой, сколь ее почитает сама Кэтрин.

Джон Торп, распорядившийся тем временем касательно жеребца, вскоре приблизился, и от него Кэтрин получила все, что ей причиталось; ибо он, хотя всего лишь небрежно и легонько коснулся руки Изабеллы, подругу сестры удостоил полным расшаркиваньем и половиной кивка. Был он полноватым молодым человеком среднего роста, лицом невзрачен, силуэтом неизящен и будто страшился, что покажется чрезмерно красивым, если не нарядится конюхом, и чрезмерно благородным, если не явит непринужденность, когда положение требует любезности, и дерзость – когда ему дозволена непринужденность. Он извлек часы:

– Как полагаете, сколько мы ехали из Тетбери, госпожа Морлэнд?

– Я не знаю расстоянья.

Брат сообщил Кэтрин, что до Тетбери – двадцать три мили.

– Двадцать *три* мили! – вскричал Торп. – Двадцать пять, и ни дюймою меньше. – Морлэнд возразил, сослался на авторитет путевого справочника, дорожных вех и придорожных трактирщиков; однако друг все их отверг; у него имелось мерило понадежнее. – Я знаю, что наверняка двадцать пять, – рек он, – ибо сужу по времени, кое мы потратили. Сейчас половина второго; мы отбыли с постоялого двора в Тетбери, когда городские часы пробили одиннадцать; и я готов бросить вызов любому в Англии, кто скажет, будто жеребец мой бежит в упряжи менее десяти миль в час; таким образом, выходит ровно двадцать пять.

– Вы недосчитались часа, – возразил Морлэнд. – Из Тетбери мы выехали всего лишь в десять.

– Десять! Одиннадцать, клянусь! Я счел каждый удар. Этот ваш брат, госпожа Морлэнд, такой спорщик – с ума сойдешь; но взгляните на жеребца; это животное создано для скорости – видали ль вы подобных? – (Слуга, забравшись в экипаж, как раз отъезжал.) – Чистокровнейшая животиная! Три с половиной часа – и покрыть всего двадцать три мили! Взгляните на сие создание и допустите подобное, если можете.

– Он и *впрямь* взмылен.

– Взмылен! Он до Уолкотской церкви домчался глазом не моргнув; но взгляните на его грудь; взгляните на ляжки; вы только посмотрите, как он движется; этот конь *не может* покрывать меньше десяти миль в час; свяжите ему ноги, и он помчится себе дальше. Что скажете о моей двуколке, госпожа Морлэнд? Отличная, а? Отличная посадка, в Лондоне строили; и месяца не прошло, как я ее купил. Ее соорудили для одного господина из Крайстчёрча²³, друга моего, очень славного парня; гонял двуколку несколько недель, а затем, я так понял, ему пришла пора от нее избавляться. По случайности я тогда и сам искал нечто подобное, эдакую легкую штучку, хотя я, надо заметить, вполне остановился уже на кюррикеле; но встретил этого друга на мосту Магдалины – парень в Оксфорд ехал, в прошлом семестре это было. «О, Торп, – говорит, – а такую штучку ты случайно не хочешь? Превосходнейший экипаж, но я от него до смерти устал». – «Ох ты ч...! – говорю. – С дорогой душою. Сколько просишь?» И сколько, по-вашему, он запросил, госпожа Морлэнд?

– У меня не имеется ни малейших догадок.

– Посадка, точно у кюррикеля, видите; сиденье, багаж, ящик для тростей, щитки, фонари, посеребренная отделка – все на месте, извольте ли узреть; рама как новенькая или даже лучше. Он запросил пятьдесят гиней; я с ним тотчас уговорился, раскошелился – и экипаж мой.

– Ну, – сказала Кэтрин, – я столь мало разумею в подобных вещах, что и сказать не могу, дешево это или же наоборот.

– Ни то ни другое; я так думаю, можно было бы и подешевле его заполучить; но торговаться я ненавижу, а бедняге Фримэну занадобилась наличность.

– Очень добрый поступок с вашей стороны, – с немалым удовольствием заметила Кэтрин.

– Ох, ч...! Я жмотничать не буду, коли имеются средства поступить по-доброму.

Далее последовали расспросы о дальнейших перемещеньях юных дев; и, выяснив, куда те направляются, джентльмены решили сопроводить их в Эдгарз-билдингз и навестить г-жу Торп. Джеймс и Изабелла зашагали первыми; и столь довольна была последняя своим жребием, столь убогатворенно старалась одарить приятной прогулкой того, кто обладал двойными козырями, будучи другом ее брата и братом ее подруги, столь чисты и бесхитростны были ее чувства, что, хотя на Милсом-стрит они нагнали и миновали двух возмутительных молодых людей, она была крайне далека от желанья привлечь их внимание и оглянулась всего трижды.

Джон Торп, разумеется, шел с Кэтрин и спустя несколько безгласных минут вернулся к рассуждениям о своей двуколке.

– Да будет вам, впрочем, известно, госпожа Морлэнд, что некоторые бы сочли, будто это дешево, ибо на завтра я мог продать ее с наваром в десять гиней; Джексон из Ориэла²⁴ мигом предложил мне шестьдесят; Морлэнд сам слышал.

²³ Крайстчёрч – один из крупнейших аристократических колледжей Оксфордского университета, основанный в 1525 г.

²⁴ Ориэл – колледж Оксфордского университета, основанный в 1326 г.

– Да, – согласился Морлэнд, сие уловивший, – но вы забываете, что он имел в виду приобрести и вашего жеребца.

– Моего жеребца! Ох, ч...! Жеребца я и за сотню не продам. Любите открытые экипажи, госпожа Морлэнд?

– Да, очень; мне едва ли выпадал случай в них покататься; но я ужасно их люблю.

– Я сему рад; стану катать вас каждый день.

– Благодарю, – отвечала Кэтрин в некотором смятении, ибо сомневалась, прилично ли соглашаться на подобное предложение.

– Завтра отвезу вас на холм Лэнсдаун.

– Благодарю, но разве жеребцу вашему не потребен отдых?

– Отдых! Он сегодня прошел каких-то двадцать три мили; ерунда; для лошадей нет ничего хуже отдыха; ничто не истощает их так скоро. Нет-нет; здесь моя животина станет бегать по четыре часа в день.

– Неужели? – очень серьезно вскричала Кэтрин. – Это же сорок миль.

– Сорок! Ой, да хоть бы и все пятьдесят. Итак, завтра я прокачу вас на Лэнсдаун; имейте в виду, мы уговорились.

– Какой восторг! – обернувшись, вскричала Изабелла. – Драгоценнейшая моя Кэтрин, я немало тебе завидую; но боюсь, братец, для третьего пассажира у тебя места не найдется.

– Да какой уж третий! Нет-нет; я приехал в Бат не для того, чтобы катать сестер; тот еще вышел бы анекдотец, ей-ей! Пускай Морлэнд о тебе заботится.

Сие побудило первую пару к обмену любезностями, но Кэтрин не уловила ни подробностей, ни итога. Беседа спутника ее ныне сверглась с высот оживленной риторики к решительным и кратким вердиктам – похвалам или же порицаньям – касательно лица всякой встречной дамы; и Кэтрин, послушав и посоглашавшись, сколь имела сил, со всею возможной любезностью и пиететом юной женской души, трепеща от страха навредить себе в глазах столь самоуверенного человека возраженьями, особенно когда речь шла о красоте женского пола, в конце концов рискнула сменить тему и задать вопрос, кой давно уже волновал ее более всех прочих, а именно:

– Читали ль вы «Удольфские тайны», господин Торп?

– «Удольфские тайны!» Боже всемогущий! Ну уж нет; я никогда не чту романов; мне и без того есть чем заняться.

Кэтрин, униженная и пристыженная, собралась было извиниться за свой вопрос, но сего г-н Торп не допустил, продолжив:

– Романы полны глупостей и чепухи; ни одного приличного не публиковалось после «Тома Джонса» – разве что «Монах»²⁵, я его на днях прочел; но что до прочих, на свете не бывало ничего скудоумнее.

– Мне кажется, вам бы непременно понравились «Удольфские тайны»; они весьма интересны.

– Ну уж нет, ей-ей! Нет-с, я стану читать разве что госпожу Рэдклифф; ее романы весьма занимательны, их стоит прочесть – вот *они* и забавны, и естественны.

– «Удольфские тайны» и написала госпожа Рэдклифф, – сказала Кэтрин, помявшись, ибо опасалась его обидеть.

– Не уверен; правда? Ах да, я припоминаю, и в самом деле; перепутал их с другой глупой книжкою, ее еще написала эта дама, вокруг которой нынче шум, – та, что вышла за французского эмигранта.

---

²⁵ «История Тома Джонса, найденныша» («The History of Tom Jones, a Foundling», 1749) – книга английского писателя и драматурга Генри Филдинга (1707–1754), роман воспитания, написанный в ироническом ключе. «Монах» («The Monk», 1796) – готический роман Мэтью Грегори Льюиса (1775–1818) о падении некогда праведного монаха.

– Вы, должно быть, о «Камилле»?

– Да-да, о ней-то я и говорю; на редкость чудовищная вещица! Старик качается на доске! Я как-то раскрыл первый том и проглядел, но вскоре понял, что дело не заладится; вообще-то я догадался, что увижу, еще прежде, чем раскрыл; я как услышал, что она вышла за эмигранта, сразу сообразил, что дочесть ни за что не смогу.

– Я вовсе ее не читала.

– И ничего не потеряли, уверяю вас; жутчайшая чепуха на земле; там и нет ничего, только вот старик качается на доске и зубрит латынь; право слово, более ничего там и нету²⁶.

Сей критический отзыв, коего праведность, увы, не была прочувствована бедняжкой Кэтрин, завершился у дверей обиталища г-жи Торп; и при встрече с одной г-жою, углядевшей их сверху, проникательный и непредубежденный читатель «Камиллы» обернулся почтительным и нежным сыном.

– А, мамаша! Как делишки? – молвил он, от всей души потрясая ей руку. – Где вы добыли это издевательство, кое у вас нынче на голове? В этой шляпе вы смахиваете на старую ведьму. Мы с Морлэндом пару дней поживем у вас, так что найдите нам где-нибудь поблизости ночлег.

Сия тирада, по видимости, утолила все потаеннейшие желанья материнского сердца, ибо г-жа Торп приветствовала сына в восторге и ликования. Засим г-н Торп уделил равную долю братского вниманья двум младшим сестрам, осведомившись, как у оных делишки, и отметив, что обе смотрятся записными уродинами.

Манеры г-на Торпа не согрели Кэтрин душу; однако он был другом Джеймса и братом Изабеллы, и вдобавок от упреков Кэтрин ее подруга откупилась, уверив гостью, едва они вдвоем удалились созерцать шляпку, что Джон полагает свою новую знакомицу очаровательнейшей девушкой на свете, а сам Джон – пред расставаньем взяв с Кэтрин слово танцовать с ним ввечеру. Будь Кэтрин старше или же тщеславнее, подобный штурм впечатленья бы не произвел; но когда сплетаются юность и робость, потребна необычайная крепость рассудка, дабы устоять пред соблазном, каковой являют собою объявление тебя очаровательнейшей девушкой на свете и столь ревностное приглашение к танцам; посему, когда брат и сестра Морлэнд, час просидев с семейством Торп, направились к г-ну Аллену и Джеймсу, едва за ними закрылась дверь, спросил:

– Ну, Кэтрин, как тебе понравился друг мой Торп? – она, вместо того чтобы ответить, как, вероятно, поступила бы, не будь в сем замешаны дружба и лесть, «мне он не понравился вовсе», откликнулась тотчас:

– Очень понравился; мне кажется, он очень приятный.

– На земле не бывало человека благодуснее; отчасти болтун; однако, представляется мне, вашему полу такое по душе; а прочие его родные как тебе нравятся?

– Очень, очень; особенно Изабелла.

– Я ужасно рад сие слышать; она из тех молодых дам, коих я хотел бы видеть среди твоих подруг; столь здравая, столь обаятельная, настолько лишена жеманства; я всегда хотел, чтобы вы познакомились; и она, похоже, очень к тебе привязана. Превозносит тебя до небес; а похвалою такой девушки, как юная госпожа Торп, даже ты, Кэтрин, – нежно взяв ее за руку, – можешь гордиться.

– И я горжусь, – отвечала она. – Я люблю ее несказанно и счастлива, что тебе она тоже нравится. После твоего гостеванья у них ты в письмах почти о ней не поминал.

---

²⁶ В начале романа Фэнни Бёрни «Камилла» незадачливый сэр Хью Тайролд качается на доске с племянницей Юджинией на коленях и нечаянно роняет девочку; впоследствии, дабы загладить вину, он делает ее своей наследницей. Среди прочих его свойств отмечалась склонность учить латынь ради самообразования и без малейшего успеха.

– Ибо думал, что вскоре тебя увижу. Надеюсь, вы будете дружить, пока ты в Бате. Она обаятельнейшая девушка; и какой развитой ум! Как любят ее родные; она бесспорно всеобщая любимица; и как восхищаются ею всем городе, не так ли?

– О да, мне кажется, очень восхищаются; господин Аллен считает, что она красивейшая девушка в Бате.

– Ну еще бы; а я не знаю лучшего судии красоте, нежели господин Аллен. Не стоит вопрошать, счастлива ли ты здесь, милая моя Кэтрин; с такой спутницей и подругой, как Изабелла Торп, ты не можешь быть несчастна; Аллены, я уверен, очень к тебе добры?

– Да, очень добры; я в жизни не была так счастлива; а теперь, раз ты приехал, счастливее и быть не могу; какой ты добрый – приехать в такую даль, дабы увидеться со мной.

Джеймс принял сей дар благодарности и очистил совесть, молвив абсолютно искренне:

– Я правда очень тебя люблю, Кэтрин.

Расспросы и рассказы о братьях и сестрах, о положеньи одних, взросленьи других и о прочих семейных делах имели место меж ними далее и продолжались – не считая единственного краткого отвлеченья Джеймса на похвалы юной г-же Торп, – пока брат с сестрою не достигли Палтни-стрит, где с великим радушием приняты были г-ном и г-жою Аллен: первый пригласил их отобедать, а вторая предложила угадать стоимость и оценить достоинства новых муфты и палантина. Прежнее обещанье быть в Эдгарз-билдингз помешало Джеймсу принять приглашенье одного друга и понудило спешить, едва удовлетворив требованья другой. Едва приемлемым манером уговорено было о встрече с семейством Торп в Восьмиугольной зале, Кэтрин предалась роскоши вдохновенных, неустанных и пугливых фантазий над страницами «Удольфских тайн» – избавленная от земных тягот облаченья и трапезы, неспособная утишить тревоги г-жи Аллен касательно опозданья ожидавшейся портнихи и находившая разве что минуту в час, дабы поразмыслить о собственном блаженстве, ибо на вечер она уже располагала партнером.

Глава VIII

Невзирая на «Удольфские тайны» и портниху, собрание с Палтни-стрит очень своевременно достигло «Верхних зал». Семейство Торп и Джеймс Морлэнд прибыли всего двумя минутами ранее; и едва Изабелла свершила обычный церемониал встречи с подругою, поспешая при сем манером весьма улыбочивым и нежным, восхитилась покроем ее платья и позавидовала ее локонам, юные девы под руку зашагали вслед за своими дуэньями, перешептываясь, едва в голову приходила мысль, и заменяя бурление идей пожатием руки или приветливой улыбкою.

Они уселись; спустя считанные минуты начались танцы; и Джеймс, кой уговорился с Изабеллой не позже, чем Торп с Кэтрин, весьма настойчиво призывал партнершу танцевать; однако Джон отправился в карточный салон перемолвиться словом с приятелем, и ничто, объявила его сестра, не понудит ее танцевать, пока сие недоступно ее драгоценной Кэтрин.

– Уверяю вас, – молвила она, – я ни за что на свете не пойду танцевать без вашей драгоценной сестры; иначе мы с нею непременно разлучимся на весь вечер.

Кэтрин приняла эдакую доброту с благодарностью, и они просидели еще три минуты; затем Изабелла, коя беседовала с Джеймсом, сидя меж ним и его сестрою, вновь повернулась к последней и прошептала:

– Драгоценное создание, боюсь, я вынуждена тебя покинуть – твоему брату потрясюще не терпится начать; я знаю, тыне обидишься; я думаю, Джон через минуту вернется, и ты с легкостью меня разыщешь.

Кэтрин слегка расстроилась, однако избыток благодушья не дозволил ей возразить; Джеймс и Изабелла встали; юная г-жа Торп лишь успела сжать подруге руку со словами:

– До свиданья, драгоценнейшая моя любовь, – и засим они поспешили прочь. Младшие сестры Изабеллы тоже танцевали, и посему Кэтрин оставлена была на милость г-жи Торп и г-жи Аллен, меж коими юная дева ныне и пребывала. Разумеется, она досадовала на непоявление г-на Торпа, ибо не только жаждала потанцевать, но притом сознавала, что, поскольку истинное достоинство ее положенья никому не ведомо, она делит позор недостачи партнера с десятками других сидящих юных дам. Быть опороченной в глазах всего света, являть видимость бесславья, когда сердце чисто, поступки невинны, а подлинный исток поруганья кроется в неподобающем поведении другого, – сие одно из тех обстоятельств, что особо приусуци геройской жизни, и стойкость героини в страданиях весьма облагораживает ее дух. Кэтрин тоже обладала стойкостью; она страдала, но ни шепота не проронили ее уста.

Из сего униженья ее по прошествии десяти минут вознесло переживание поприятнее, ибо в трех ярдах от себя она узрела не г-на Торпа, но г-на Тилни; тот, очевидно, направлялся к дамам, но Кэтрин не замечал, и посему улыбка ее и румянец, пробужденные к жизни внезапным его появлением, миновали, не замарав героической ее весомости. Г-н Тилни был все так же красив и оживлен; он увлеченно беседовал с изысканной и миловидной юной дамою, коя опиралась на его руку и в коей Кэтрин тотчас определила его сестру, тем самым бездумно отбросив законную возможность предположить, будто он потерян для нее навсегда, ибо женат. Нет, ею водительствовало лишь простое и вероятное: ей и в голову не приходило, что г-н Тилни может быть связан узами брака; он не вел себя и не говорил как женатые мужчины, к коим привыкла Кэтрин, никогда не поминал жены, но говорил о сестре. Эти посылки мгновенно породили заключение, что подле г-на Тилни пребывает сестра; и вместо того чтобы побелеть как смерть и в припадке рухнуть на грудь г-же Аллен, Кэтрин выпрямилась, совершенно владея собою, – разве что щеки покраснели самую чуточку больше обычного.

Г-н Тилни и его спутница приближались, хоть и медленно; им предшествовала некая дама, знакомица г-жи Торп; поскольку дама сия остановилась побеседовать, они, ее сопровождая, остановились тоже, и Кэтрин, перехватив взгляд г-на Тилни, тотчас одарена была улыбкою узнаванья. Юная дева радостно улыбнулась в ответ; подойдя еще ближе, г-н Тилни приветствовал Кэтрин и г-жу Аллен, коя отвечала ему очень любезно:

– Я бесконечно счастлива увидеть вас вновь, сударь; я боялась, что вы оставили Бат.

За страхи сии он поблагодарили сообщил, что отбывал на неделю, как раз наутро после того, как имел удовольствие с нею свидеться.

– Что ж, сударь, смею предположить, вам не жаль было возвращаться, ибо здесь молодежи самое место – да и всем прочим тоже. Когда господин Аллен говорит, что от Бата устал до смерти, я ему отвечаю, что ему никак не следует жаловаться, ибо здесь так приятно, гораздо лучше, чем дома в столь скучный сезон. Я говорю, ему немало повезло, раз его послали сюда по болезни.

– И надеюсь, сударыня, что господин Аллен вынужден будет полюбить сей город, обнаружив, сколь оный ему полезен.

– Благодарю вас, сударь. Не сомневаюсь, что так и случится. Наш сосед, доктор Скиннер, по болезни навещал Бат зимою и вернулся очень крепким.

– Обстоятельство это наверняка немало воодушевляет.

– Да, сударь, – и доктор Скиннер с семьею пробыли здесь три месяца; потому я и говорю господину Аллену, что не следует торопиться с отъездом.

Тут их прервала г-жа Торп – она просила г-жу Аллен слегка подвинуться, дабы предоставить место г-же Хьюз и юной г-же Тилни, ибо те согласились присоединиться к дамам. Когда сие свершилось, г-н Тилни по-прежнему стоял пред ними; несколько минут поразмыслив, он пригласил Кэтрин танцовать. Сей комплимент, хоть и восхитительный, поверг даму в отчаянное огорченье; и когда Кэтрин ему отказывала, печаль ее столь походила на истинное чувство, что явись г-н Торп, подошедший сразу после, полуминутую раньше, он мог бы заподозрить крайнюю остроту ее страданий. Наинепринужденнейшая манера, в коей г-н Торп поведал Кэтрин, что заставил ее ждать, никоим образом не примирила ее с выпавшим жребием; подробности, в кои он углубился, когда они принялись танцовать, – о лошадях и собаках друга, только что г-ном Торпом оставленного, и о грядущем обмене терьерами, – заинтересовали ее недостаточно; то и дело она поглядывала в тот угол залы, где остался г-н Тилни. Милой своей Изабеллы, коей Кэтрин особо желала указать на сего джентльмена, она не видела вовсе. Они оказались в разных группах. Кэтрин оторвали от спутников, она очутилась вдали от всех знакомцев; одно огорченье следовало за другим, и из событий сих она извлекла полезный урок: если явиться на бал, заранее уговорившись с партнером, сие совершенно необязательно усугубляет достоинство положения или же удовольствие юной девы. От сего поучительного рассужденья ее внезапно отвлекло касанье к плечу, и, обернувшись, Кэтрин узрела г-жу Хьюз в сопровожденьи юной г-жи Тилни и некоего джентльмена.

– Прошу простить, госпожа Морлэнд, – молвила г-жа Хьюз, – за сию вольность, но я не могу разыскать юную госпожу Торп, а ее матушка сказала, что вы несомненно не станете возражать и позволите сей молодой даме танцовать подле вас.

Вряд ли в зале нашелся бы человек, что согласился бы охотнее Кэтрин. Дамы были друг другу представлены, юная г-жа Тилни оценила подобную доброту, а юная г-жа Морлэнд с подлинной тонкостью щедрой души отмахнулась; г-жа Хьюз возвратилась к своим знакомицам довольная, ибо пристроила подопечную весьма почтенно.

Юная г-жа Тилни обладала хорошей статью, красивым лицом и весьма приятной манерою; обличье ее, хоть и лишенное решительной претенциозности, неколебимого шика юной г-жи Торп, располагало большим подлинным изяществом. Ее поведение выдавало блестящий ум и блестящее воспитанье, она не являла ни застенчивости, ни притворной открыто-

сти и, по-видимому, находила в себе силы быть юной, привлекательной и на балу, не желая привлечь к себе внимание всех мужчин окрест и по мельчайшему поводу не выказывая превеличенного экстатического восторга или же непостижимой досады. Кэтрин, заинтересованная разом ее обликом и родственной связью с г-ном Тилни, сего знакомства желала всей душою и охотно заговаривала всякий раз, когда умела придумать, что сказать, и находила мужество и минуту высказаться. Однако чрезмерно скорому сближению имелась препона, ибо зачастую одно или несколько из потребных условий не выполнялись, и сие не дозволило им продвинуться далее первых ростков знакомства, каковые взошли, когда та и другая молодая дама узнала, сколь сильно ее визави нравится Бат, сколь она восхищена зданьями и окрестностями, рисует ли она, играет или поет и нравится ли ей кататься верхом.

Едва завершились два танца, Кэтрин ощутила, что локоть ее сжимаем верной Изабеллою, каковая вскричала в немалом воодушевлении:

– Наконец-то я тебя нашла! Драгоценное создание, я ищу тебя уже час. Для чего ты танцуешь здесь, если знаешь, что я там? Я так печалилась без тебя.

– Милая моя Изабелла, как мне было тебя искать? Я тебя даже не видела.

– Я все время так и говорила твоему брату – а он не желал мне поверить. Отправляйтесь, господин Морлэнд, отыщите ее, говорила я, – но все впустую, он не сдвинулся ни на дюйм. Не так ли, господин Морлэнд? Но все вы, мужчины, столь неумеренно ленивы! Я так его бранила, моя драгоценная Кэтрин, – ты бы немало удивилась. Ты же знаешь, я с такими людьми не церемонюсь.

– Видишь вон ту девушку с жемчужным убором? – прошептала Кэтрин, отъединяя подругу от Джеймса. – Это сестра господина Тилни.

– Ах! Боже правый! Да неужели! Ну-ка дай я взгляну. Какая восхитительная девушка! В жизни не видала никого и вполтину столь прекрасного! Но где же ее всепобеждающий брат? Он в зале? Если да, укажи мне на него сей же миг. Мне до смерти хочется посмотреть. Господин Морлэнд, а вы не слушайте. Мы не о вас говорим.

– Но о чем вы там шепчетесь? Что происходит?

– Ну вот, я так и знала. Вы, мужчины, так неугомонно любопытны. А вы говорите, что любопытны женщины! Это еще что. Однако довольствуйтесь тем, что вам о сем знать вовсе не дозволено.

– И вы полагаете, будто сим я могу довольствоваться?

– Ну знаете, я таких людей в жизни не встречала. Что за важность, о чем мы говорим? Может, мы говорим о вас; посему я бы советовала вам не слушать, или же вы рискуете ненароком узнать о себе нечто не вполне приятное.

Сия тривиальная болтовня длилась некоторое время, и первоначальный предмет обсуждения, по видимости, был забыт начисто; Кэтрин весьма обрадовалась, что тема покуда оставлена, однако поневоле смутно заподозрила, что нетерпеливая жажда подруги узреть г-на Тилни совершенно угасла. Когда оркестр грянул новый танец, Джеймс увел бы прелестную партнершу прочь, но та воспротивилась.

– Говорю вам, господин Морлэнд, – вскричала она, – я ни за что на свете так не поступлю. Как можете вы дразнить меня подобным манером; только подумай, драгоценная моя Кэтрин, чего хочет от меня твой брат. Он желает, чтобы я танцевала с ним вновь, хотя я говорю, что сие совершенно не подобает и решительно против правил. Если мы не станем менять партнеров, о нас будет шушукаться вся зала.

– Честное слово, – отвечал Джеймс, – на публичных балах это бывает сплошь и рядом.

– Какая ерунда, что вы такое говорите? Но когда вам, мужчинам, что-нибудь взбредет в голову, вы ни перед чем не отступите. Бесценная моя Кэтрин, поддержи меня; убеди брата, что сие невозможно. Скажи ему, что будешь шокирована, если я так поступлю, – ведь правда?

– Да вовсе нет; но если ты считаешь, что это нехорошо, лучше поменяй партнера.

– Вот, – вскричала Изабелла, – вы слышите, что говорит сестра, и тем не менее поступаете по-своему. Что ж, помните – сие будет не моя вина, если мы скандализируем всех старух Бата. Приходи, драгоценнейшая моя Кэтрин, ради Бога, потанцуй рядом со мною.

И они удалились на прежние места. Джон Торп тем временем отошел, и Кэтрин, желая дать г-ну Тилни шанс повторить отрадное предложение, кое однажды уже польстило ей, со всей возможной поспешностью устремила к г-же Аллен и г-же Торп в надежде обнаружить его подле – надежде, коя, обернувшись бесплодной, помстилась юной деве неразумной в высшей степени.

– Ну, моя дорогая, – молвила г-жа Торп, коей не терпелось выслушать похвалы сыну, – надеюсь, у вас был приятный партнер.

– Весьма приятный, сударыня.

– Я сему рада. Джон обворожителен, не правда ли?

– Ты встретила господина Тилни, дорогая? – спросила г-жа Аллен.

– Нет, а где он?

– Минуту назад был здесь и сказал, что ужасно утомился бездельничать и намерен потанцевать; я подумала, возможно, он пригласит тебя, если вы встретитесь.

– Где он может быть? – спросила Кэтрин, озираясь; но озираться пришлось недолго, ибо вскоре она узрела, что он ведет танцевать некую юную даму.

– А! у него уже есть партнерша; лучше бы он пригласил *тебя*, – сказала г-жа Аллен и после краткой паузы прибавила: – Он весьма привлекательный молодой человек.

– Это уж точно, госпожа Аллен, – с самодовольной улыбкою подтвердила г-жа Торп. – Должна признаться, хоть я ему и *мать*, на свете не бывало молодого человека привлекательнее.

Сей никудышный ответ многих поставил бы в тупик, но г-жу Аллен не озадачил: спустя какую-то секунду размышлений она шепнула Кэтрин:

– Пожалуй, она решила, будто я говорю о ее сыне.

Кэтрин была огорчена и раздосадована. На самую чуточку разминулась она с тем, относительно кого лелеяла надежды; и вывод сей не побудил ее к чрезмерно милостивому ответу, когда вскоре к ней приблизился Джон Торп с такими словами:

– Ну-с, госпожа Морлэнд, я так думаю, нам с вами теперь снова плясать.

– Ах, нет; я весьма признательна вам, наши два танца завершились; и к тому же я устала и более танцевать не хочу.

– Дану? Что ж, в таком разе давайте погуляем и посмеемся. Пойдемте со мной, я покажу вам четыре величайшие посмешища в зале – мои младшие сестры и их партнеры. Я уж полчасца над ними хохочу.

Кэтрин вновь отказалась, и в конце концов г-н Торп устремился насмеяться над сестрами один. Остаток вечера Кэтрин отчаянно скучала; г-н Тилни отделился от их собрания за чаем, дабы присоединиться к знакомцам своей партнерши; юная г-жа Тилни, хоть и осталась, сидела поодаль, а Джеймс и Изабелла так увлеклись беседою, что последняя ни минутки не нашла, дабы уделить подруге более одной улыбки, одного рукопожатья и одного «драгоценнейшая Кэтрин».

Глава IX

Вот как протекало унынье Кэтрин вследствие вечерних событий. Поначалу, когда она пребывала в зале, оно явилось общим неудовольствием касательно всех вокруг, кое вскоре окутало Кэтрин немалой усталостью и яростным желаньем отбыть домой. По прибытии на Палтни-стрит сие обернулось необычайным голодом, а когда оный был утолен, сменилось отчаянным стремленьем очутиться в постели; таков был крайний предел ее горя, ибо оказавшись там, она мгновенно провалилась в глубокий сон, кой продлился девять часов и от коего она пробудилась совершенно ожившая, в великолепном расположеньи духа, полная новых надежд и новых замыслов. Первейшим желаньем сердца ее было укрепление знакомства с юной г-жою Тилни, а почти первейшим решеньем – искать упомянутую даму в бьюете около полудня. С персоною, столь недавно прибывшею в Бат, встреча в бьюете неизбежна, а зданье сие Кэтрин уже уразумела столь благоприятным для обнаруженья женского блеска и осуществленья женской дружбы, столь восхитительно пригодным для тайных бесед и безграничной доверительности, что весьма резонно склонна была ожидать явленья из стен его еще одной подруги. Наметив себе, таким образом, планы на утро, она после завтрака тихонько уселась с книжкой, решив не менять занятия и местоположенья, пока не пробьет час дня; и ей, по обыкновению, крайне мало досаждали замечанья и восклицанья г-жи Аллен, чья пустота рассудка и неспособность думать были таковы, что дама сия, хотя никогда помногу не болтала, совершенное молчанье хранить тоже не умела, а посему, за рукодельем теряя иголку или обрывая нитку, слыша экипаж, что проехал по улице, или видя пятнышко на платье, имела потребность сообщить о сем вслух, мог ей кто-либо ответить или же нет. Около половины первого г-жу Аллен спешно призвал к окну замечательно громкий стук, и она едва успела сообщить Кэтрин, что у дверей стоят два открытых экипажа, в первом лишь слуга, а во втором брат ее подопечной катает юную г-жу Торп; засим Джон Торп тотчас взбежал по лестнице, крича:

– Ну-с, госпожа Морлэнд, вот и я. Заждались? Мы не сумели приехать ранее; этот старый дьявол каретник целую вечность подбирал экипаж, в который хоть сесть можно, и теперь десять тысяч против одного, что драндулет сломается и с улицы не выехав. Как делишки, госпожа Аллен? Отменный вчера вышел бал, а? Давайте, госпожа Морлэнд, поторапливайтесь – остальным адски не терпится поехать. Им покувыркаться охота.

– Что вы понимаете? – спросила Кэтрин. – Куда вы все собрались?

– Собрались? Это что, вы же не забыли наш уговор? Мы ведь договорились нынче утром вместе покататься? Ну и дырявая у вас голова! Мы едем на Клавертон-даун.

– Я припоминаю, что об этом заходила речь, – сказала Кэтрин, глядя на г-жу Аллен и взыскав ее мненья, – но вообще-то я вас не ждала.

– Не ждали! Ну и шуточки у вас! Нагнали бы вы шороху, если б я не явился.

Кэтрин тем временем безмолвно вопрошала подругу втуне, ибо г-жа Аллен, вовсе не имея обыкновенья одним только выраженьем лица сообщать что бы то ни было, не подзревала, будто на подобное умение претендуют другие; и Кэтрин, желанье коей повидать юную г-жу Тилни перенесло бы ныне краткую отсрочку ради прогулки и коя полагала, что в поездке ее с г-ном Торпом никому не помстится ничего неприличного, ибо сними едут также Изабелла и Джеймс, понуждена была заговорить прямее:

– Ну, сударыня, что вы на сие скажете? Отпустите меня на пару часов? Мне поехать?

– Поступай, как тебе приятнее, моя дорогая, – отвечала г-жа Аллен с наиневозмутимейшим равнодушьем. Кэтрин последовала сему совету и помчалась собираться. Спустя считанные минуты она появилась вновь, еле дозволив двум прочим обменяться парой крат-

ких похвал ей – после того, как Торп исторг из г-жи Аллен восхищение его двуколкою, – и, выслушав пожеланья доброго пути, Кэтрин и посетитель заспешили вниз по лестнице.

– Драгоценнейшее создание, – вскричала Изабелла, к коей обязательства дружбы тотчас подвели Кэтрин, прежде чем последняя уселась в экипаж, – ты собиралась, по меньшей мере, три часа. Я боялась, не захворала ли ты. Какой восхитительный вчера получился бал. Я тысячу разных разностей хочу тебе рассказать; но поторопись и залезай, ибо я жажду ехать.

Кэтрин исполнила ее повеленье и направилась к двуколке, успев, впрочем, расслышать, как подруга воскликнула, обращаясь к Джеймсу:

– Какая она очаровательная девушка! Я ее просто обожаю.

– Не пугайтесь, госпожа Морлэнд, – сказал Торп, подсаживая ее в двуколку, – если жеребец мой поначалу, когда тронется, слегка потанцует. Он, я так себе представляю, раз-другой рванет и, может, потом передохнет минутку; но он уразумеет вскоре, кто тут хозяин. Он у меня жизнерадостный, игривый, как котенок, но совсем не злой.

Кэтрин сочла, что портрет сей особого доверия не внушает, однако отступать было поздно, а молодость не позволяла признать, что ей страшно; посему, отдавшись на волю рока и вручив судьбу свою заявленному разуменью животного касательно того, кто тут хозяин, юная дева мирно уместилась в двуколке, а Торп сел подле. Все, таким образом, устроилось, слуге, что стоял подле коня, крайне авторитетно велено было «его отпускать», и они тронулись наитишайшим манером, без рывков, прыжков и без малейшего подобья оных. Кэтрин, в восторге от столь счастливого избавленья, с благодарным удивленьем сообщила о своей радости, и спутник ее тотчас же прояснил положение, уверив юную деву, что сим она целиком обязана особо уместному способу, коим возница держит поводья, и исключительным проницательности и сноровке, с коими он направляет хлыст. Кэтрин, хоть и озадачилась неволью, для чего, располагая столь полной властью над жеребцом, г-н Торп счел нужным пугать ее описанием конских выходок, искренне поздравила себя с тем, что оказалась под опекою столь блестящего возницы; и узрев, что животное трусит дальше равно тихим манером, не выказывая ни малейшей склонности к какой бы то ни было малоприятной живости и двигаясь (если учесть, что жеребец пробегает неизменные десять миль в час) отнюдь не быстро, Кэтрин, удостоверившись в своей безопасности, отдалась радостям свежего воздуха и значительного воодушевленья теплого февральского дня. За первой их краткой беседою последовали несколько минут молчанья; оное было нарушено весьма резким вопросом Торпа:

– Старик Аллен богат, как жид, да? – Кэтрин его не поняла, и Торп повторил вопрос, в пояснение прибавив: – Старик Аллен, этот человек, которого вы сопровождаете.

– А! Господин Аллен. Да, мне представляется, он очень богат.

– И совсем нет детей?

– Нет, ни одного.

– Замечательно подфартило его наследнику. Он же *ваш* крестный, да?

– Мой крестный! Нет.

– Но вы столько времени с ними проводите.

– Да, очень много.

– Да-с, я о том и говорю. Вроде неплохой старичок и, я так думаю, пожил в свое время вдоволь; подагры просто так не бывает. Теперь бутылку в день заглывает, а?

– Бутылку в день! Нет. Отчего вы так думаете? Он очень умеренный человек – вы что же, решили вчера, что он пьян?

– Господи спаси! Вот всегда вы, женщины, думаете, будто мужчина пьян. Не полагаете же вы, что мужчину подкосит какая-то бутылка? Уж в *этом* я убежден – если б все выпивали бутылку в день, в мире не случилось бы и половины нынешних беспорядков. Отменно бы всем нам помогло.

– Мне в это не верится.

– Ой, Господи, да это бы тысячи людей спасло. В этом королевстве не выпивается и сотой доли вина, кое надлежит выпивать. Надо бы пособить нашему туманному климату.

– И тем не менее я слышала, будто в Оксфорде вина пьют предостаточно.

– В Оксфорде! В Оксфорде нынче не пьют, уверяю вас. Вообще никто не пьет. Едва ли встретишь человека, что выпивает больше четырех пинт разве что. Вот, к примеру, в последний раз, когда мы закатили вечеринку у меня в апартаментах, все думали, это неслыханно – что мы осушили где-то пять пинт на нос. Все сочли, что это необычайно. *У меня-то* пойло доброе, точно вам говорю. В Оксфорде редко где такое встретишь – может, тем все и объясняется. Но из сего вы уразумете, сколько по обыкновенью там пьют.

– Да уж, я уразумела, – с жаром отвечала Кэтрин. – Я уразумела, что все вы пьете гораздо больше, чем, по-моему, стоит пить. Однако я уверена, что Джеймс столько не пьет.

Сим заявленьем вызван был громкий и неопровержимый отклик, из коего разобрать не удалось ни слова, за вычетом неоднократных восклицаний, едва ли не божбы, коя оный отклик расцветивала, и по завершенье его Кэтрин осталась еще крепче уверена, что в Оксфорде вина пьют много, и по-прежнему счастливо убеждена в сравнительной трезвости брата.

Засим все помыслы Торпа обратились к достоинствам экипажа, и Кэтрин предложено было восхититься живостью и свободой, кои являл жеребец, а равно легкостью, кою бег его, а равно качество рессор придавали движенью двуколки. Кэтрин старательно поддерживала его восторги. Превзойти их или же не дотянуть оказалось невозможно. Познания Торпа и ее невежество в предмете, бойкость его излияний и ее робость исключали сие совершенно; в похвалах она не в силах была изобрести ничего нового, но охотно поддакивала всему, что он желал заявить, и в конце концов меж ними без малейших затруднений было уговорено, что выезд Торпа – безусловно совершеннейший образчик такового в Англии, экипаж его – роскошнейший, жеребец – наистремительнейший, а сам он – лучший возница.

– Вы же не всерьез сказали, господин Торп, – молвила Кэтрин, спустя время отважно сочтя, что вопрос абсолютно решен, и предложив некоторую вариацию на ту же тему, – что двуколка Джеймса сломается?

– Сломается! Боже правый! Вы хоть раз в жизни встречали подобную развалюху? Да в ней ни единой целой железяки нет. Колеса стерлись лет десять назад – а корпус? Да вы одним касаньем ее на куски развалите, ей-ей. Самая шаткая, к дьяволу, колымага, какую я только видал! Слава Богу, у нас получше. Меня и за пятьдесят тысяч фунтов не уговоришь две мили проехать в их драндулете.

– Ох, батюшки! – вскричала Кэтрин, немало перепугавшись. – В таком случае, умоляю вас, повернемте назад; если мы поедем дальше, они непременно пострадают. Прошу вас, вернемтесь, господин Торп; остановитесь, поговорите с моим братом, расскажите ему, какая опасность им грозит.

– Опасность! О Господи! Да в чем беда? Ну, сломается – кувыркнутся слегка, и все; грязи вокруг полно; плюхнутся весьма удачно. Ой, да ну их! Вполне крепкий экипаж, если разумеешь, как им управлять; такая колымага в хороших руках износится довольно, а потом еще двадцать лет прослужит. Да Боже мой! Я бы взялся за пять фунтов сгонять на нем в Йорк и обратно, не потеряв и гвоздя.

Кэтрин слушала в изумлении, не зная, как примирить два столь различных описанья одного предмета; воспитанье не позволяло ей постичь наклонности болтуна, а равно понять, сколь многочисленны пустые утвержденья и бесстыдные враки, порожденные избытком тщеславья. Ее родные людьми были простыми и прозаичными и редко претендовали на любого рода остроумье; отец ее довольствовался разве что каламбуром, мать – поговоркою; за родителями не водилось привычки лгать, дабы придать себе веса, или утверждать

то, что спустя минуту сами же опровергнут. В глубокой растерянности Кэтрин некоторое время обдумывала сию загадку и не раз едва не попросила г-на Торпа внятнее высказать его подлинное представление о предмете, однако воздержалась, ибо сочла, что ему не слишком даются внятныя представления и прояснение того, что прежде он окутал двусмысленностью; равно остановило ее соображение, что на самом деле он не стал бы подвергать ее брата и собственную сестру опасности, от коей с легкостью мог бы их избавить, и в конце концов Кэтрин заключила, что он, вероятно, полагает экипаж совершенно надежным, а посему более не волновалась. Сам Торп сию беседу, по видимости, начисто забыл и весь остаток разговора, а точнее, выступленья начал и завершил самим собою и своими заботами. Он поведал спутнице о лошадях, коих приобрел за гроши и сбыл за невероятные суммы; о скачках, где суждение его безошибочно предсказывало победителя; об охоте, где он подстрелил больше птиц (хотя удачная позиция не выпала ни разу), чем все его товарищи вместе взятые; и описал некую отменную травлю паратыми гончими, в коей его предвиденье и умение в управлении собаками исправило ошибки наиопытнейшего охотника, а отвага верховой езды, ни на миг не подвергнув его собственную жизнь риску, то и дело ставила препоны остальным, а посему, безмятежно подытожил он, многие тогда сломали шею.

Сколь мало ни была Кэтрин склонна судить и сколь смутны ни были ее представления о том, каким надлежит быть мужчине, ей, пока она терпела излишня бескрайнего Торпова самодовольства, не удалось вовсе подавить подозренье, что он не вполне совершенно приятен. То была дерзкая догадка, ибо он приходился братом Изабелле, а Джеймс уверял Кэтрин, что манеры его друга понравятся любой женщине; но, невзирая на все это, крайняя скука его общества, коя поглотила ее до истечения первого часа и неуклонно усугублялась, пока они не остановились вновь на Палтни-стрит, побудила Кэтрин в некоей крошечной степени воспротивиться столь высоким авторитетам и лишить доверья талант г-на Торпа дарить бесконечное удовольствие.

Едва ли возможно описать словами потрясенье Изабеллы, когда, прибыв к дверям г-жи Аллен, юная дева обнаружила, что час слишком поздний и сопровождать подругу в дом не подобает:

– Четвертый час!

Непостижимо, невероятно, невозможно! И она отказывалась верить равно собственным часам, часам брата или же слуги; она не верила ни единому резону рассудка или реальности, пока Морлэнд не извлек часы и не подтвердил правдивость факта; *теперь* усомниться еще хоть на мгновение было бы равно непостижимо, невероятно и невозможно, и Изабелле оставалось лишь снова и снова твердить, что никогда прежде два с половиною часа не пролетали так быстро, чему в свидетели призвана была Кэтрин; та не в силах была солгать даже ради подруги; впрочем, последняя избавила себя от несчастья выслушать прекословье Кэтрин, ее ответа не дождавшись. Изабеллу слишком захватили чувства; она жестоко страдала, сознавая, что надлежит отправляться домой. Целая вечность миновала с тех пор, как она беседовала с драгоценнейшей своею Кэтрин; и хотя Изабелла намеревалась сообщить подруге тысячи разных разностей, юным девам словно бы не суждено было встретиться более никогда; итак, с улыбками изысканнейших мук и отважным смехом совершеннейшего унынья она распрощалась с Кэтрин и отбыла.

Г-жа Аллен, едва освободившаяся от хлопотливой праздности утра, тотчас приветствовала Кэтрин нижеследующим:

– Ну, моя дорогая, вот ты и вернулась. – То была истина, оспаривать кою Кэтрин не была особо склонна и способна. – Надеюсь, ты славно прогулялась.

– Да, сударыня, благодарю вас; лучше и быть не могло.

– Госпожа Торп так и сказала; она была страшно довольна, что вы поехали.

– Так вы виделись с госпожою Торп?

– Да, как только вы уехали, я пошла в бьюет и там ее встретила; мы славно побеседовали. Она говорит, на рынке нынче утром не отыщешь телятины – телятина сегодня необычайно редка.

– А еще кого-нибудь из знакомцев встретили?

– Да; мы уговорились прогуляться возле Полумесяца и встретили госпожу Хьюз, а с нею господина и юную госпожу Тилни.

– В самом деле? Они с вами беседовали?

– Да, мы полчаса гуляли вместе у Полумесяца. Очень приятные, мне представляется, люди. Юная госпожа Тилни была в очень симпатичном крапчатом муслине и, судя по тому, что я слышала, всегда одевается весьма красиво. Госпожа Хьюз много мне порассказала об их семействе.

– И что она вам рассказала?

– Ой, страшно много всего; ни о чем более толком и не говорила.

– Они из Глостершира – она сказала, откуда именно?

– Да, сказала; только я уже не помню. Но они очень славные люди и очень богатые. Госпожа Тилни в девичестве была Драммонд, они с госпожою Хьюз учились вместе; и у юной госпожи Драммонд имелось большое состояние; а когда она вышла замуж, отец дал за ней двадцать тысяч фунтов и еще пятьсот на наряды. Когда их доставили из лавок, госпожа Хьюз все их видела.

– А господин и госпожа Тилни в Бате?

– Да, мне кажется, они здесь, но я не уверена. Впрочем, если подумать, у меня такое ощущение, будто оба они скончались; во всяком случае, мать; да, точно, госпожа Тилни умерла, поскольку госпожа Хьюз рассказала мне, что господин Драммонд подарил дочери на свадьбу роскошный жемчуг, который теперь у юной госпожи Тилни, – он отошел ей, когда ее мать умерла.

– А господин Тилни, мой партнер, – он единственный сын?

– Наверняка сказать не могу, дорогая; у меня имеется представление, будто сие таки есть; но госпожа Хьюз говорит, что он весьма благородный молодой человек и, по всему вероятию, будет весьма благополучен.

Кэтрин долее не задавала вопросов; она услышала достаточно, чтобы уразуметь, сколь ничтожны познания г-жи Аллен; сама же юная дева, к величайшему несчастью, сие свиданье с братом и сестрою пропустила. Будь она в силах предвидеть эдакий поворот, ничто не понудило бы ее отправиться с остальными; ныне же она могла лишь оплакивать горькую свою судьбу и раздумывать о том, чего лишилась, пока ей не стало ясно, что прогулка особо отрадной вовсе не была, а лично Джон Торп – персона до крайности неприятная.

Глава X

Семейства Аллен, Торп и Морлэнд встретились вечером в театре; и поскольку Кэтрин и Изабелла сидели рядом, последней выпал шанс изложить некоторые из многих тысяч разных разностей, что копились в ней и ждали излиянья всю ту бесконечную вечность, что разделяла подруг.

– О Боже! Возлюбленная моя Кэтрин, ужели я наконец заполучила тебя? – так вскричала Изабелла, едва Кэтрин вошла в ложу и села подле. – Итак, господин Морлэнд, – ибо тот сидел по другую руку, – весь остаток вечера я не молвлю вам ни слова; посему вам предписано ничего иного не ожидать. Бесценнейшая моя Кэтрин, как ты пережила эти столетья? Однако нет нужды спрашивать, ибо выглядишь ты восхитительно. Поистине, ты уложила волосы беспримерно божественным манером; ах ты озорное создание, хочешь всех заморозить? Во истину, мой брат уже вполне в тебя влюблен; а что до господина Тилни – но *сие* совершенно понятно, даже *твоя* скромность не может усомниться ныне в его привязанности; это слишком очевидно – он же вернулся в Бат. Ах! Чего бы я ни отдала, только бы его увидеть! Я прямо горю от нетерпенья. Моя мать уверяет, что он восхитительнейший молодой человек на свете; она, знаешь ли, утром с ним виделась; непременно представь его мне. Он сейчас здесь? Ну осмотрись, Бога ради! Уверяю тебя, мне жизнь не мила, пока я его не увижу.

– Нет, – сказала Кэтрин, – его здесь нет; я его нигде не вижу.

– Ой, какой кошмар! Ужель никогда мне с ним не познакомиться? Как тебе нравится мое платье? По-моему, не вовсе безнадежное; рукава я целиком придумала сама. Знаешь, мне столь невыносимо надоел Бат; мы с твоим братом нынче утром поняли, что, хотя здесь крайне замечательно провести несколько недель, мы бы и за многие миллионы не согласились тут жить. Мы во мгновение ока обнаружили, что вкусы наши совершенно совпадают – всякому окруженью мы предпочитаем провинцию; в самом деле, *сие* было даже нелепо – до каких малостей сходны наши мненья! Ни в едином предмете мы не разошлись; я бы ни за что не хотела, чтобы ты *сие* слышала, ты такая лукавая, ты бы наверняка отпустила какое-нибудь комическое замечанье.

– Нет, вовсе нет.

– Ну разумеется, отпустила бы; я знаю тебя лучше, нежели ты сама. Ты бы сказала нам, что мы словно созданы друг для друга или еще какую подобную чепуху, и *сие* расстроило бы меня до невероятья; щеки мои были бы красны, что твои розы; я бы ни за какие блага не хотела, чтобы ты нас слышала.

– Честное слово, ты ко мне несправедлива; я бы ни за что не стала говорить столь неподобающим образом; кроме того, *сие* мне бы и в голову не пришло.

Изабелла недоверчиво улыбнулась и остаток вечера проболтала с Джеймсом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.